

КУАФЁР ИЗ ВОЕННОГО ФОРШТАТА

ОЛЕГ КУДРИН

FOLIO

Олег Викторович Кудрин

Куафёр из Военного форштата. Одесса-1828

Серия «Ретророман»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66745768

Куафёр из Военного форштата. Одесса-1828: Фолио; Харьков; 2021

ISBN 978-966-03-9642-5

Аннотация

1828 год. Десять лет назад французский подданный Натан Горлис приехал в Одессу и оказался в центре событий, описанных в романе «Дворянин из Рыбных лавок». На сей раз Россия находится на пороге войны с Турцией. И вот Одесса – прифронтовой город. А это значит: восторженный имперский угар, поддерживаемый прибытием Николая I с красавицей-женой и дочерью, поиск османских шпионов, а также менее важные вещи, вроде снабжения русской армии, рвущейся к Константинополю. Тем временем происходит много чего загадочного: история с миллионным завещанием, жандармская интрига с заговором «Сети Величия» и трагическая воронка событий вокруг любимца города – гениального куафёра Люсьена и его возлюбленной. Натан Горлис, полицейский Афанасий Дрымов и горожанин из казаков Степан Кочубей по-разному

вовлечены в поиски преступников. Внутри же их троицы отношения нынче стали непростыми.

Содержание

Предисловие. Знаете ли вы великолепного Люсьена де Шардоне?	13
Часть I. Кончина миллионщика Абросимова и тайна завещаний	24
Глава 1	25
Глава 2	38
Глава 3	52
Глава 4	68
Глава 5	80
Глава 6	90
Глава 7	112
Глава 8	124
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Олег Кудрин

Куафёр из Военного форштата. Одесса-1828

© О. В. Кудрин, 2021

© Ю. Е. Никитин, иллюстрации, 2021

© Е. А. Гугалова-Мешкова, иллюстрации, художественное оформление, 2021

© Издательство «Фолио», марка серии, 2015

* * *

Натан Горлис

он же Натаниэль Горли,
29 лет, французский
подданный родом
из австрийских Брод,
владелец доходного дома,
иногда помогает полиции
в расследованиях

Степан Кочубей

31 год, горожанин
из казаков, вольно
хозяйствующий с женой
Надеждой на своем хуторе
на Молдаванке,
друг Натана

Афанасий Дрымов

частный пристав I части
г. Одессы, неофициальный
первый заместитель
одесского полицмейстера

Фина Фальянци

прима Одесского театра,
меццо-сопрано,
возлюбленная Горлиса,
проживающая с ним

Люсьен де Шардоне
владелец салона Académie
de coiffure на Дерибасовской,
любимец Одессы, лучший
ее куафёр по прозвищу
Наследник Леонарда

Михаил Воронцов
граф, военачальник, генерал-
губернатор в недавно
завоеванных южных землях
России, преимущественно
живет в Одессе

Степан Достанич
полковник, бывший
одесский полицмейстер,
начальник военной полиции
2-й (Дунайской) армии,
вдовец

**Харитон
Лабазнов-Шервуд**
жандармский штаб-офицер
по южным губерниям,
проживает в Одессе с

Борис Беус

жандармский поручик,
помощник капитана
Лабазнова, проживает по
соседству с Шервудами

Любовь Ранцова

преподавательница
языков в Девичьем
училище, вдова известного
ученого, мать
студента-медика Викентия

Никос Брамжогло

преподаватель
Ришельевского лицея,
обладающий
энциклопедическими
знаниями, грек, бежавший
из Османской империи

Осип Гладкий

последний кошевой атаман
Задунайской Сечи,
двухбунчужный паша,

Вы сами просили Меня – веди нас через Босфор,
Дарданеллы, вообще – Балканы, отроги Альпийских гор,
но что Мне проливы и горы, острова, полуострова,
что Мне вашей истории каменные жернова?

* * *

Так, придет и наше время, не зря любимого внука
Императрица решила назвать Константином
(Константинополь в уме). Назвать нехитрое дело. А ну ка
представь, старуха, как поступят с твоим непутевым
сыном...

* * *

Философ Вольтер – государыне Екатерине:
«Катя, а что ты думаешь об Украине?
О Днепре-Днестре, о горах Карпатах,
о соломою крытых беленых хатах,
не в последнюю очередь и об этих, пархатых,
которых ты проглотила совместно с большей
частью страны, именуемой Польшей?.. <...>
Что делать с украинской речью,

к которой вы, россияне, относитесь как к увечью,
как быть с Запорожской Сечью, саблями и картечью,
как быть с казаками и казацким барокко,
с морем, которое раскидывается широко...»

<...>

Екатерина – Вольтеру: «Вчера приказала
испечь пирог с начинкой из медвежьего сала.

Также ели ломтики подсоленной лососины.

И еще – велела мужчинам носить обтягивающие лосины.

Чтобы достоинство было видимо сразу
близорукому, но пытливому глазу. <...>

За ум я плачу любовью, за любовь оплачу сторицей.

Почему бы философу не встретиться с императрицей?

Приезжай в Петербург, познакомься со мной поближе!»

Вольтер – Екатерине: «Знакомиться лучше в Париже».

Из Бориса Херсонского, 2010-е

Предисловие. Знаете ли вы великолепного Люсьена де Шардоне?

«Поистине, странный вопрос», – ответит вам всякий одессит. Да кто же его не знает! Как и славное Люсьеново заведение на Дерибасовской, между Екатерининской и Красным переулком, ближе к последнему. Именуется оно гордо – *Académie de coiffure*¹. Все уважающие себя мужчины благородного звания стремятся попасть к нему, к его мастерам. Что до женщин, то они не стремятся, нет, что вы. Нет... Они просто жаждут сего! Впрочем, попасть на сеанс к самому Люсьену удастся не всем, столь сильно он загружен. Но и работы его подручников тоже очень хороши. Так что, между нами говоря, многие из жалующихся: «Ах, какой реприманд! Сегодня опять не попала к милому Люсьену, пришлось довольствоваться его помощником», – лукавят. На самом деле они изначально договаривались о работе не у Шардоне, а у его сподвижника по куафёрному искусству. Потому как, с одной стороны, это, в общем-то, столь же хорошо, а с другой – к тому же на треть дешевле! Что для одесситов, неглупых и любящих почитать на ночь *Großbuch*², тоже

¹ Академия куафёров (франц.).

² Большая книга (нем.). Бухгалтерская книга со сводкой всех счетов и финансовых операций.

немаловажно.

Тем более что и сам уважаемый грандмастер несет полную ответственность за качество работы своей «куафёрской академии». К каждому клиенту, кому делают... Ах нет, слово в сём случае неверное – кому сотворяют прическу в этом заведении, Люсьен подходит трижды. В самом начале о чем-то шепотом на быстром французском совещается со своим соратником по бритве и ножницам. Тот начинает работу лишь после этого. Второй раз де Шардоне навещается посреди стрижки. Иногда просто бросит быстрый взгляд, удовлетворенно кивнет головой и тут же возвращается к своему клиенту. Но порой может и что-то шепнуть на ушко другому мастеру. После чего тот восклицает нечто вроде: «*Oui. À la perfection!*³» – и озаренный подсказкой гения продолжает трудиться с утроенной энергией (но за прежний гоно-рар). Третий раз, последний, Люсьен приближается в конце работы, так сказать, принимать ее результаты. И непременно вдохновенной рукой художника нанесет некий штрих, подправит прядь или локон, а то и сострижет несколько лишних, на его взгляд, волосков своими быстрыми ножницами. Знающие люди говорят, что именно эти важные детали, сии, ежели позволите, завершающие мазки мастера оказываются неизменно точными и пикантными.

Да, но с другой стороны возникает естественный вопрос. А как же клиенты, с которыми работает сам де Шардоне? Им

³ Да. Прелестно! (Франц.)

не обидно ли, что *Grandmaître*⁴ отвлекается, да и не раз, во время работы с ними, затягивая ее сеанс? О-о-о, предположить такое может только ни разу не бывавший в *Académie de coiffure*, поскольку в работе Люсьеновы руки быстры, как взволнованные птицы. При том – касания щекочуще нежны, как цветочный визит пчелы. Пока Шардоне отойдет на несколько мгновений, клиентке (или, что реже, клиенту) как раз самое время посмотреть на себя в зеркало, угадывая в делаемой работе контуры будущего шедевра. И это тоже, поверьте, интересно.

Не говоря уж о том, сколь сам по себе по-человечески, по-мужски обаятелен Люсьен де Шардоне. Шутки его просты, да правду говоря, это часто и не шутки, а просто текущие обиходные фразы. Однако произносятся они с такой непередаваемо неожиданной интонацией и милым акцентом, с такой лукавинкой в глазах, что кажутся именно шутками, полнее иных, от признанных одесских остроумцев.

И вот как раз тут самое время рассказать о вывеске «ку-афёрской академии». Ибо она очень показательна и многое объясняет – в метафорическом плане. Буквы, составляющие слова *Académie de coiffure*, вырисованы на стволе винограда, многолетних лозах. Точки над «i» – это кокетливые стрекозы анфас (с полупрозрачными и едва заметными крыльями). А вот *accent aigu*⁵ над «é» изображено взлетающей с лозы

⁴ Великий мастер (франц.).

⁵ Надстрочный знак во французской грамматике. Дословно – «острый ак-

трудолюбивой пчелой. Впрочем, на этом остром акценте художник не остановился. Со всех сторон из старого темно-коричневого виноградного ствола берут начало светло-коричневые побеги, а то и совсем молодые – зеленые и, конечно же, аппетитные виноградные кисти. А еще важнейшая деталь – фигурные листья и усики молодых побегов. О! Усики, закрученные полукругом, – точно такие же, как и у нашего одесского *Grandmaître*. Но чтоб сие славное сходство ни от кого не ускользнуло да осталось в памяти, то здесь же на витрине изображено и лицо самого Люсьена де Шардоне с правой рукой, лукаво подкручивающей его же пикантный усик. По краям вывески – изображены такие же лозы, только еще более щедро усыпанные спелыми тугими кистями винограда. Какого сорта – думаю, рассказывать не нужно. Ну, разумеется, шардоне!

Да уж, не всем так везет с фамилией, столь точно соответствующей внешности. Ибо во всей наружности светловолосого и светлоглазого Люсьена есть некое глубинное, тотемное (как у древних диких народов) соответствие сему виду белого винограда. Удивительно, но и глаза его цветом похожи на спелую ягоду шардоне. Этакие, знаете ли, желто-зеленые радужки, с редкими коричневатыми вкраплениями – точь-в-точь как на зрелом винограде сего сорта, популярного и в Одессе (благодаря тому, что прежний градоначальник граф де Ланжерон любил как его, так и делаемое из него

питие). Да, правду сказать и всё общение с мсье Люсьеном по вкусу и производимому эффекту сродни вину шардоне – слегка терпкое, чуть-чуть пьянящее, освежающее и в целом весьма приятное.

Но пора, пожалуй, к сему светлому и даже белому, как вино, рассказу добавить темных тонов, заимствованных у вина густо-красного. Именно такого цвета волосы были у цыганки средних лет, зашедшей однажды в заведение одесского *Grandmaître*...

А далее, чтобы всё было ясно, нужно дать некоторое предупреждение. Несколькими годами ранее в Одессе проживал и работал... Впрочем, нет, слово «работал» здесь будет не совсем точным, особенно ежели его услышат сотрудники генерал-губернаторской канцелярии (они, пожалуй, еще и на смех поднимут)... Проживал и творил жизнь русский поэт Александр Пушкин, как говорят, очень недурной и заслуженно известный. Перед этим он пожил, примерно в том же духе, в Кишиневе, в канцелярии генерала Инзова. Тогда же и там же познакомился и поэтически очаровался местными молдавскими цыганами, их вольным бытом и пением. Приехав в Одессу, сей Пушкин принялся за поэму в байроническом духе «Цыгане». Издана же она была как раз за год до описываемых нами событий – в 1827-м. Когда книга эта доехала до одесситов, то они отнеслись к ней с большой благожелательностью. И сочли справедли-

вой ее аттестацию, данную в «Русском инвалиде»⁶, которому все, безусловно, доверяли: «Новая прелестная безделка А. С. Пушкина». И вправду прелестная! В Одессе, кажется, не было образованного человека, который бы не рассказывал, как именно он помогал заезжему поэту сочинять чудную вещь — подбором имен, рифм и метафор.

Это я всё к тому, что к цыганам и цыганкам благородное одесское общество относилось позитивно, с вниманием и даже симпатией. Но, как говорится, всё имеет свои пределы. Тут же случилось вот что. Цыганка средних лет в обычных для сего племени одеждах, по одним описаниям (преимущественно мужским) весьма привлекательная, по другим (чаще женским) — внешности крайне отталкивающей, заглянула в «куафёрскую академию». Да там еще и попыталась потребовать, чтобы ее обслужил тот самый *гожо чаворалэ*, «красавчик», который изображен на «деревяшке».

К ней отнеслись с незлым смехом и постарались объяснить, что это заведение для благородных дам и господ, а подобные места, но попроще, имеются, скажем, в Молдаванской слободе, где, кстати, бессарабским цыганам и по названию самое место. Эта острота была благожелательно принята окружающими. Однако возомнившая о себе невеста что цыганка ответила, что заплатить сможет, и настаивала на своем. Ситуация поначалу исключительно смешная, как часто бывает в случае недоразумений, начинала становиться тупи-

⁶ Популярная всероссийская газета, выходившая с 1813 года.

ковой. Но не полицию же из-за таких пусячков вызывать.

Тогда вышел сам *чаворалэ* Люсьен и постарался разрядить обстановку. Он сказал – со своим неподражаемым шармом, – что с радостью обслужит долгожданную клиентку. Но есть проблема, и она в том, что прическа цыганки, совершенна, как, впрочем, и ее наряд. Так что вмешательство может только ухудшить «стрижку египетской царицы»⁷. Публика, давящаяся смешками, уже готова была взорваться смехом, но по интонации чувствовала, что это еще не конец мизансцены. И не ошиблась.

– А впрочем... – задумался де Шардоне, подкручивая свой виноградный усик. – Да! Я вижу, что можно сделать. Вот! – и быстрым мастерским движением отстриг у цыганки кончик одного локона, действительно, слегка выпиравшего на фоне остальных.

Дальше же было вот что. Не успели присутствующие рассмеяться, а пострадавшие волосы – долететь до полу, как цыганка схватила Люсьена за правую руку, держащую ножницы. И слегка притянула к себе, чтобы проще было вглядываться в его глаза. Лицо куафёра из Военного форштата на мгновение дрогнуло, как бывает у мальчишек, когда их обижают старшие. И эта растерянность не ускользнула от внимания посетителей.

Цыганка же начала пророчествовать:

⁷ Со средневековых времен в Европе было устойчивое мнение, что цыгане – выходцы из Египта.

– Хорошо живешь, гаджо, хорошо работаешь, хорошо любишь. Но дальше – не всегда и не всё так же хорошо будет. Вижу, поняла уже, не тебе мои лозы стричь... И другое вижу. Знаю, какая тьма за тобою. Какая тля побегии твои точит. Худо будет! Так что берегись – когда время придет твой виноград обрезать и давить. Смотри, как бы соком не истечь кровавым!

Далее свидетельства очевидцев опять расходятся. Одни утверждают, что цыганка говорила это обычным голосом и шевелила губами. Другие же божатся – что, как некая бесарабская пифия, чревовещательница с недвижными губами молвила утробным голосом... Но как бы то ни было, а произнеся недоброе пророчество, она плюнула на правую руку, растерла слюну пальцами. И, наклонившись долу, собрала свои волосы, аккуратно, чтоб ни волосинки на чужом полу не осталось. После чего резко выпрямилась и покинула заведение.

Когда медноволосая цыганка ушла, в куафёрской на какое-то время установилась тишина. Потому как, что ни говори о сём фараоновом племени, но он обладает некоей таинственной силой эмоционального воздействия. С другой стороны, цирюльники, что французские, что русские, что смешанные, то бишь одесские, тоже не лыком шиты. Они ж не только локоны стричь умеют, но и кровь пускать, и шпанскую мушку ставить⁸, они за свою жизнь и работу многого

⁸ В начале XIX века цирюльники, куафёры, кроме парикмахерских услуг ока-

навидались. Вот и тут первым нашелся старший из помощников Люсьена:

– Полно расстраиваться, дорогой *Grandmaître* Шардоне! Мало ли чего наговорит бессарабка в ста юбках. К тому же лично мой опыт подсказывает, что периодическое кровопускание организму лишь полезно, поскольку ускоряет движение жизненных соков.

После этих слов, встреченных подбадривающими возгласами и смешками, непринужденная атмосфера в *Académie de coiffure* начала восстанавливаться. И каждый считал своим долгом лично подойти к милому Люсьену, чтобы сказать: случившееся, де – пустяк, нелепица, не заслуживающие внимания...

Но те же люди в тот же день, ну и позже, общаясь с родственниками и друзьями, не преминули сообщить, да по возможности в ярких красках и в лицах, о происшествии с цыганкой и ее пророчествах. Так что история эта стала известна всем. Что только укрепило всеобщую любовь к Люсьену де Шардоне как невинно пострадавшему, пускай пока лишь эмоционально.

А самые горячие и проницательные одесские головы начали рассказывать, что, мол, после посещения цыганки клиенты и клиентки заведения не досчитались серёг, перстней и кошельков. Но мы повторять этот навет не решимся, поскольку имеем точные свидетельства от Афанасия Дрымова,

зывали еще и врачебную помощь.

частного пристава I части города Одессы (входящей в Военный форштат), что никаких заявлений по этому поводу ни в тот день, ни позже в одесскую полицию не поступало.

На том описанный сюжет закончим и вернемся к яркой личности лучшего одесского куафёра, ибо всякому интересно знать, кто он такой и откуда взялся. В этом нам поможет одно из уважаемых прозвище, данных ему, – Наследник Леонарда. И тут почти всё становится ясным. Потому что все знают и помнят великого куафёра Леонарда, переехавшего в Одессу при дюке де Ришелье. Так же все знают, что именно вдохновенный Леонард был последним куафёром Марии Антуанетты. Точнее, как любят шепнуть бессердечные одесские остроумцы, предпоследним, поелику последним куафёром французской королевы стала, увы, гильотина.

Одесские благородные дамы просто обожали Леонарда, и не одно празднество, ни один бал или машкерат не обходились без его шедевральных работ. Однако с отъездом своего высокого покровителя Ришелье город также покинул и Леонард. Лучшим его учеником долгое время считался мастер Трините, имеющий цирюльню на углу Екатерининской и Дерибасовской. Но тут вдруг появился Люсьен, завел свою «академию» через несколько домов от конкурента и очень скоро был наделен в Одессе титулом грандмастера. При этом де Шардоне не кричал на каждом углу, начиная с Дерибасовской-Екатерининской, об ученичестве у Леонарда. Но если кто спрашивал его об этом, то и не отпирался. Мол, что ж тут

скрывать, бывал в подмастерьях у Великого, причем с малолетства. И верно – старожилы вспоминали, что при Леонарде на подхвате действительно был какой-то шустрый светловолосый мальчишка, кажется, похожий на нынешнего Люсьена де Шардоне. Но точно ли это он – оставалось неизвестным, ибо *Grandmaître* неизменно отшучивался, не говоря ни да, ни нет.

Самые любопытствующие обратились с просьбой о воспоминаниях и разъяснениях к Трините. А уж этот никому в оных не отказывал. По его словам, со всей точностью выходило, будто Люсьен никак не может быть тем мальчишкою, поскольку тот умер в страшный для Одессы чумной 1813 год. Услыхав об этих рассказах конкурента, де Шардоне обиделся и вовсе перестал говорить о прошлом. Впрочем, на мастерство его сии разговоры никак не повлияли – а это главное.

Ну и последнее, что нужно еще сказать о Люсьене де Шардоне – имея светлую голову, золотые руки и немалые доходы, он почему-то не хотел обзаводиться в Одессе своим жильем. А предпочитал жить неподалеку, через улицу, на Гаваньской, в доходном доме Натана Горлиса. Какового в Одессе также хорошо знают как французского подданного Натаниэля Горли́.

Часть I. Кончина миллионщика Абросимова и тайна завещаний

≡ 1828 ≡

МАРТЪ

/ ЛАВР
АВР.

	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г
ПН		5 17	12 24	19 31	26 7			
КТ		6 18	13 25	20 1	27 8			
СР		7 19	14 26	21 2	28 9			
ЧТ	1 13	8 20	15 27	22 3	29 10			
ПТ	2 14	9 21	16 28	23 4	30 11			
СБ	3 15	10 22	17 29	24 5	31 12			
ВС	4 16	11 23	18 30	25 6				

АПРѢЛЬ

/ АВР.
ЛВ

	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г
ПН								
КТ								
СР								
ЧТ								
ПТ								
СБ								
ВС								

МАЙ

/ ЛВ
ЮН

	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г
ПН					21 2	28 9		
КТ					22 3	29 10		
СР					23 4	30 11		
ЧТ					24 5	31 12		
ПТ					25 6			
СБ					26 7			
ВС					27 8			

Ю
ЮЛИАНСКІЙ

Г
ГРИГОРИАНСКІЙ

Глава 1

≡ 1828 ≡											
МАРТ										/ МАРС АВРИЛ	
Ю Г		Ю Г		Ю Г		Ю Г		Ю Г			
ПН		5	17	12	24	19	31	26	7		
ВТ		6	18	13	25	20	1	27	8		
СР		7	19	14	26	21	2	28	9		
ЧТ	1	13	8	20	15	27	22	3	29	10	
ПТ	2	14	9	21	16	28	23	4	30	11	
СБ	3	15	10	22	17	29	24	5	31	12	
ВС	4	16	11	23	18	30	25	6			

Наш добрый знакомый Натан Горлис, став в Одессе, богатой и быстро растущей на дрожжах порто-франко, владельцем доходного дома, мог бы заниматься только им. К тому же, будучи человеком не расточительным, а напротив – рачительным, при желании расширять дело. Но это было чуждо его натуре. Хотелось разнообразия в деятельности, а также и большей загрузки уму.

Прежде всего Натан со всем нужным тщанием организовал работу своего дома, для чего взял несколько надежных работников и работниц, прислугу. Дело шло исправно, как

часы, требующие нечастого подзавода. И никаких жалоб от жильцов! Хотя нет... с начала весны, как солнце пригрело, говорили, что раздаются по этажам какие-то странные стуки, слышится треск. То ли крысы любятся иль за любовь воюют. То ли деревянные брусы иль камень со скрепляющим раствором шумят, разохшись. Но в остальном – всё путем.

А Горлис сверх того имел возможность заниматься другими делами. Скажем, работал в двух иностранных консульствах, имевшихся в Одессе среди прочих. При поступлении запросов и по мере возможностей помогал одесской полиции в криминальных делах более заковыристых, чем правонарушения при строительстве, несоблюдение границ участков. Подобные просьбы о помощи поступали через старого приятеля Натана – частного пристава Дрымова. Конечно же, при рассмотрении сиих дел Горлис много и часто советовался со своим другом – Степаном Кочубеем, казаком родом с Усатовских хуторов, что к северу от Одессы. Женившись, Степан завел свой отдельный дом с доходным участком – в южном углу Молдаванской слободки.

Возобновил Натан и сотрудничество с генерал-губернаторской канцелярией. Ранее, лет десять назад, он уже работал в ней сдельно, готовя раз в неделю внешнеполитические доклады по мировой прессе (работа, похожая на ту, что выполнял в Австрийском и Французском консульствах). Однако в промежутке между Ланжероном и Воронцовым управляющим новороссийскими губерниями и исполняю-

щим должность наместника Бессарабской области был назначен генерал Инзов. Он же предпочел перевести Ланжеронову канцелярию в Кишинев. Натан, к Одессе уже прикипевший, уезжать, конечно же, не захотел, отчего из состава канцелярии выпал.

Но в 1823 году на пост генерал-губернатора всего имперского юга был назначен Михаил Воронцов. (Фина особенно любила вспоминать то время, поскольку при первом появлении графа в Театре она исполняла свою любимую роль Золушки, и, как всякой актрисе, ей хотелось верить, что зал встал не из-за прихода начальства, а в восторге от ее арии.) Имея не лучшие отзывы о работе Инзова, Воронцов не стал переводить его канцелярию из Кишинева обратно в Одессу. А предпочел лично и наново подбирать людей, общаясь с каждым по отдельности. Тут кто-то шепнул Михаилу Семеновичу, дескать, есть такой полезный для работы иностранного отдела человек, как Натаниэль Горли. Неплохо бы и его позвать. Натан успешно прошел собеседование, явив аналитические способности и подтвердив хорошее знание основных для европейской политики языков – французского, немецкого, а также английского. Казалось бы, на этом можно было и закончить, не брать на себя других работ. Но нет, нашлась еще одна просьба, в которой Горлис не смог отказать.

В 1826 году директором Ришельевского лицея, Горлису так же не чужого, стал замечательный человек Иван Орлай, русин родом из Австрии, только не Королевства Галиции и

Лодомерии, где Горлис родился, а из Великого герцогства Трансильвании.

55-летний Орлай был видным чиновником и опытным педагогом – перед приездом в Одессу долго работал директором Нежинского лицея. А к самому прибытию к Черному морю он вообще получил чин действительного статского советника (дающий право на наследственное дворянство для трех его сыновей)! Это добавило Ивану Семеновичу уважения, но отнюдь не сделало его высокомерным. В работе он по-прежнему был строг, однако приветлив.

Так вот, Орлай особенно большое внимание уделял знанию его воспитанниками иностранных языков. Причем не только в бумажном, грамматическом варианте, но и в живом, разговорном. Поэтому для Ришельевского лицея новый директор первоочередно искал, кто бы мог давать его ученикам разговорную практику. Причем делать это, сочетая строгость, легкость и живость. И тут уж сам генерал-губернатор для практикования в немецком и французском посоветовал Орлаю Горлиса.

В итоге по субботам, с утра, Натан ездил в Ришельевский лицей вести практические занятия, обучать учащихся мелодике двух прекрасных языков. Но и это еще не всё. Орлай с его авторитетом опекал также и Городское девичье училище, учебные классы и дортуары которого имели общий двор с мальчишеским Лицеєм. Так отчего заодно не преподавать то же самое и благородным девицам? Горлис и здесь не смог

отказать обаятельному статскому советнику, умеющему уговаривать нужных ему людей на нужную ему работу. Так что вскоре такие же уроки он вел еще и для девочек, отчего его субботняя нагрузка увеличилась вдвое.

Впрочем, эта работа была Натану не в тягость. Молодые глаза, горячие души – всё так напоминало ему его самого и любимых сестер. Милое семейное прошлое в Бродах, будто недавнее, но пробежавшее столь быстро. Общаясь с юношами и девицами, растолковывая смыслы иноязычных слов, рассказывая какие-то мудрые вещи, он не только вспоминал своих любимых учителей, но и чувствовал себя на их месте – отца, милой Карины, старика Дитриха...

* * *

Нынешняя суббота оказалась совершенно особою. Накануне в канцелярии сам Воронцов оставил уведомление для Натана, что в этот день после занятий приглашает его к себе по чрезвычайно важному делу. И вот сию минуту, когда мы рассказываем о Горлисе, он как раз вернулся из Лицея и собирался в поход к генерал-губернатору. Для чего облачался во фрак. У Воронцова, конечно, приняли бы его и в педагогическом сюртуке. Но такой вариант Натаном теперь даже не рассматривался.

Да, господа мои, после того, как Горлис начал семейно, хоть и невенчанно, жить с актрисой Одесской оперы Финою

Фальяцци, сюртуков в его гардеробе стало меньше, а фраков – больше. И он, надо сказать, за несколько лет вполне освоил искусство ношения сей одежды. Но, надевая сорочку с тугой манишкой и повязывая галстук, он думал не о том, как будет выглядеть на приеме у его сиятельства, а о том, что там ему скажут. И откровенно говоря, не мог сложить об этом какого-то четкого мнения.

Взглянув на большие настенные часы, появившиеся в доме также стараниями Фины, Горлис подумал, что, пожалуй, слишком быстро собирается. Приходить раньше назначенного времени не хотелось, и сейчас, пожалуй, самым правильным было бы встать за рабочее бюро да привести мысли в порядок и подумать о том, что может означить полученное приглашение.

Дело в том, что 45-летний Михаил Семенович Воронцов имел не только титул, чины и воинские заслуги, но также немалое состояние. Это позволяло ему держать в своем доме «открытый стол», так что чиновники его канцелярии, располагавшейся по близости в доме через стенку, могли там столоваться. Это было для них большим благом, поскольку давало заметную экономию в расходовании средств, а значит, позволяло чувствовать себя более уверенно в финансовом смысле.

Но вот Горлис на эти «столования» ходил редко. Объяснить почему, было не просто, поскольку какой-то одной цельной причины не имелось. Ну, вот скажем, некая ав-

стрийская щепетильность вопреки французской легкости подсказывала Натану, что, пожалуй, будет неприлично ходить на обеды, предназначенные для полноценных сотрудников генерал-губернаторской канцелярии. Сам же Горлис был лишь «приходящим», работающим сдельно. Нет, ну понятно, что никто лишнего слова по этому поводу не скажет. Но подумать – подумают, и почти наверняка.

К тому же Натан хорошо знал (да и все знали), что кроме общего «столования» у Воронцовых есть «тесный стол», для своих – самых близких, в том числе и с участием Елизаветы Воронцовой, супруги графа. И вот эта деталь, сама по себе совершенно нормальная, естественная, делала поход к генерал-губернаторскому «общему столу», а не «тесному», еще менее комфортным. Мало того, что идешь, причем на птичьих правах, туда, где много званных, так еще, находясь там, понимаешь, что где-то рядом, через несколько дверей и стен, есть не предназначенное для тебя место, где мало избранных. От этого и всё твое присутствие оказывается вдвойне сомнительным.

Важно также отметить, что на подобные столования гости приходили безо всяких приглашений. Но Горлиса, ранее почти не посещавшего их, пригласили особо. Интересно знать – зачем? Стоя за бюро, Натан начал набрасывать какие-то предположения, ставил вопросительные знаки к разным их частям, соединял какие-то тезисы стрелками и вдруг... его взгляд упал на календарь, показывающий сегодняшнее чис-

ло. 31 марта 1828 года – по русскому календарю, 12 апреля – по европейскому. Десять лет! Да, ровно столько прошло с того времени, как случилось самое драматическое... да что там – самое трагическое событие в его одесской жизни⁹.

Натан отошел от бюро и, враз обессилевший, сел, а скорее – упал в кресло. Все детали и подробности дела о «дворянине из Рыбных лавок» обрушились на него, придавив тяжелым грузом. Как спокойна и рассудительна стала сейчас его жизнь с Финой. И насколько иначе всё было в пору его влюбленности в Финину кузину танцовщицу Росину. Да еще внезапно вспыхнувшая страсть к Марте, раздиравшая его неопытную душу на две равные части.

Как молод и зелен был он тогда, еврейский юноша, родившийся и выросший в австрийских Бродах, что на границе с Российской империей. Милые сестры, любимые родители, трансильванка Карина и пруссак Дитрих, ставшие его заботливыми учителями. А еще – друзья детства: еврейские мальчишки из хедера и рутенские ребята, чьи родители изготавливали поделки, игрушки для лавок его отца. (Где они все сейчас?) Потом – загадочный страшный пожар, который мог бы погубить всю семью, если бы не Дитрих, вытащивший детей, но погибший при попытке спасти их родителей. Сестры после этого разъехались по другим городам и общинам, две старшие – женами, две младшие – приемышами в

⁹ События описаны в первом романе цикла о Горлисе, Кочубее и Дрымове «Дворянин из Рыбных лавок. Одесса-1818» (Харьков: Фолио, 2021).

семьях родственников.

Натан же, как всякий мальчишка, мечтал о путешествиях, приключениях. И конечно же, не упустил своего шанса, когда пришло письмо с приглашением из Парижа от тётушки Эстер, которой Б-г не дал детей. Эстер считалась в их семье порченной, поскольку, живя в Пресбурге¹⁰ и овдовев, она повторно вышла замуж – но уже не за еврея, а наполеоновского гвардейца. Мешать переезду Горлиса-младшего в Париж опекуны сирот, такие же приверженцы гаскалы, еврейского Просвещения, что и его отец Наум, не стали.

Во французскую столицу Натан добирался морским путем – через Балтику и Северное море. Шел на торговом судне с заходом во множество портов. Это было бесконечно увлекательно. Вот только за время его дороги во Франции успели пройти «Сто дней» Наполеона. Низвергнутый император, бежав с Эльбы, вернулся в страну и был восторженно встречен народом. Но силы его империи были уже не те. Он потерпел окончательное поражение под Ватерлоо. И уж после этого Франция подверглась настоящей, тяжелой для всех оккупации. В такую страну приехал Горлис летом 1815 года. Но и это были не все еще беды. 1816-й оказался в Европе «годом без лета» – ужасным, безурожайным, приведшим к мятежам, смертям и голодным бунтам.

Только сейчас, повзрослев и став мудрее, Натан понимал в полной мере, как неудачно, как не вовремя выбрался он во

¹⁰ Сейчас – столица Словакии Братислава.

Францию – в самые тяжелые, почти беспросветные ее годы. Но если бы ему было позволено выбирать наново, он бы в любом случае поехал! Потому что даже на таком фоне Париж – всё равно Париж. Потому что тётушка Эстер и муж ее, дядюшка Жако, полюбили Натана всем сердцем как родного сына. Его ответное чувство к ним было столь же сильным. А еще в Париже у Натана появился новый наставник – начальник местной криминальной полиции Эжен Видок. И нашелся среди соседей близкий товарищ – Друг-Бальссá. (Он лишь через три года после их знакомства перестал стесняться своей аристократической фамилии, придуманной его отцом-торговцем, начав твердо называть себя Оноре де Бальзаком.)

Несмотря ни на что, Горлису была очень хорошо, тепло и интересно в холодном и голодном Париже. От воспоминаний о двух годах, проведенных там, сладко замирало сердце. И всё же он уехал... Так уж сложилось – знакомство с Ришелье, приглашение того попробовать свои силы в Одессе (строительству которой Дюк отдал столько сил и энергии), коей даровано было право порт-франко. И вот уж Натан, охваченный юношеским задором и нетерпением, оставляет Эстер с Жако, обещая писать им письма часто, насколько позволят доходы, и отправляется в обратном направлении – на восток. Только уж южным путем – через Средиземное, Мраморное и Черное моря. Что ж, так получилось – Натан не жалел ни о приезде в Париж, ни об отъезде оттуда...

А в Одессе было знакомство с генерал-губернатором Ланжероном, работа в его канцелярии, потом еще приработок в двух консульствах. Дружба с Кочубеем, не по летам мудрым, а также исполнительным служакой Дрымовым. И пик всего – «дело о дворянине из Рыбных лавок». История, начинавшаяся, в общем-то, спокойно, но закончившаяся столь болезненной, трагической развязкой. Да еще внезапный отъезд Росины...

Волна воспоминаний, как ни странно, улучшила его состояние, смыв с души непереносимую тяжесть. Грусть осталась, тоска по ушедшей любви и печаль по близким, покинувшим мир, – тоже. Но растаяло чувство безнадежности в настоящем и укрепилось ощущение не бессмысленности произошедшего в прошлом.

Натан посмотрел на часы, фигурой и ходом напоминавшие Фину, да и причудливым боем – ее колоратурное меццо-сопрано. Милая Фина – с ней никогда не бывает холодно и одиноко. Она помнит, как он своей любовью, заботой вытащил ее из душевной бездны. Фина оказалась в ней, потому что была влюблена в того самого русского поэта, прожившего в Одессе. Как ей мнилось, небезответно. Тем больней оказалось столкновение с его насмешливой неверностью. Горлис теперь был уверен, что она никогда не позволит ему самому провалиться в подобное состояние...

Однако! Время уже такое, что пора окончательно одеваться, набрасывать поверх фрака модный плащ, подобранный

всё той же Финой, и отправляться к Воронцову.

Психологически Натан восстановился настолько, что его опять занимала мысль — для чего приглашал и что ему скажет граф?

* * *

Дом или, строго говоря, два дома Фундуклея, в которых обитало семейство Воронцова и располагалась его же генерал-губернаторская канцелярия, размещались по Херсонской улице до угла Торговой. Нынешнее время было последними месяцами пребывания здесь графской семьи.

Поселившись в Одессе и начав в ней властвовать, Михаил Семенович сделал две главные вещи, давно напрашивавшиеся, — установил оптимальную линию порто-франко¹¹ и обратил внимание на фасадную часть города, обращенную к морю, к порту, но меж тем едва ли не самую запущенную, чтоб не сказать «загаженную». Наконец-то были убраны от мусора места, где некогда располагался турецкий замок (местные казаки по традиции старых добрых времен, когда земли Литвы доходили досюда, еще называли его «литовским»). Нечи-

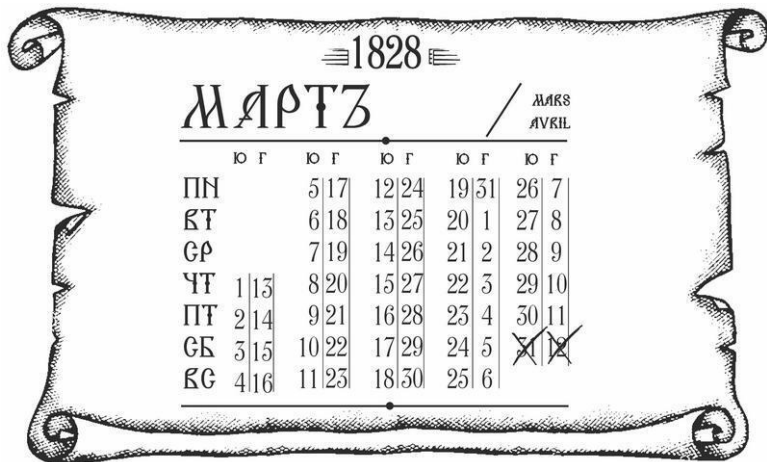
¹¹ Первая граница порто-франко, установленная при открытии в 1819 году, была слишком далекой от черты города с пригородами. Уже в 1821-м порто-франко урезали до зоны порта. В 1822 и в 1823 годах вносились новые изменения. После прибытия Воронцова и с его участием была разработана разумная граница, включавшая город с его предместьями. Ее открыли в 1827 году, и она же просуществовала до конца порто-франко в Одессе (1858–1859).

стоты выросли во много слоев, что неудивительно – их долгие годы выливали и сваливали здесь, как бы в знак долгого послепобедного поругания неприятеля.

А на убранном от сора пространстве была проложена новая Бульвардовая улица, односторонняя, поскольку располагалась она над обрывом к морю и порту. Невыговариваемое французское «д», выпирающее посреди названия улицы, в Одессе не прижилось. Ее стали называть Бульварной, а то просто Бульваром, пока – безымянным. И на северном его краю Воронцов выстроил прекрасный дворец с подсобными помещениями. Но главным бриллиантом сего ансамбля была колоннада, стоящая чуть в стороне от дворца и нависающая над самым обрывом. Она чудно рифмовалась с колоннами широких портиков дворца, придавая законченность всей композиции. И прекрасно смотрелась с низовой Военной балки, влево от нее, где одесская публика, включая Горлиса, любила принимать морские ванны.

Так вот, во дворце Воронцова заканчивалась отделка. И туда уже начинали перевозить необходимые для проживания его семьи вещи. Потому последние недели пребывания в Фундуклеевском доме обретали черты отчасти ностальгические, всё же без малого пять лет тут выжито.

Глава 2

Когда было доложено о приезде Натаниэля Горли, его провели в гостиную. А через несколько минут поприветствовать его вышли хозяин и хозяйка дома. Что делало честь не только гостю, но и им. Не все, имея титулы и богатства, так запросто снисходят до людей более низкого происхождения. Натан, чувствуя важность сего момента, как-то особенно внимательно, будто впервые, посмотрел на чету Воронцовых.

Подумалось, что лицо графа в сущности типически русское. Ежели б его переодеть из привычного генеральского костюма в иную одежду – мещанскую, а то и крестьянскую,

то Михал Семеныча было б не отличить от тысяч иных людей этих сословий. Хотя нет, всё же нужно добавить, что в осанке, жестах, в лице, и особенно – в выражении глаз было нечто нерусское. Этакая английская холодность или, может быть, даже игра в нее, что сильно облегчает жизнь в сложных ситуациях, вводя их в размеренные нормы. Оттого за глаза (кстати, серо-голубые) русский граф получил необходимое прозвище Милорд. А как его еще называть, ежели детство и юность Воронцов провел в Лондоне, где отец его был послом.

Что касается Елизаветы Воронцовой, то она не была красивой, но казалась при этом неотразимой. В чертах лицах графиня взяла больше, чем следовало бы, от своего отца, магната Ксаверия Браницкого, нежели от русской матери Савочки Энгельгардт. Но выразительные глаза, но загадочная улыбка, но нежная шея, переходящая в удивительной привлекательности плечи (что, как и сейчас, выгодно и смело подчеркивалось открытыми платьями с опущенными рукавами). Как успел заметить Горлис, прожив в Одессе немалое время, вот такое мягкое польское кокетство производило неизгладимое впечатление на русских мужчин. (Да и на казаков – тоже.)

Следует отметить, что Натан старался избегать сюжетов, в коих обсуждалась семейная жизнь Воронцовых, но совсем уйти от этого не удавалось. Ибо, напомним, он жил одной семьей с оперной певицей, с удовольствием участвовавшей

в разных светских мероприятиях. К тому же Фина обожала примерять к жизни лекала оперных сюжетов в разных изводах: как классически-трагическом, так и комическом.

Так что основные черты амурного квадрата семьи Воронцовых, состоящего из двух любовных треугольников, Натан знал. Граф Воронцов давно и прочно питал нежные чувства к истинной красавице Ольге Потоцкой, дочери хорошо известного в Одессе семейства – магната Станислава Потоцкого и фанариотской куртизанки, ставшей аристократкою, Софии. Говорили, что основной силой, устраивающей брак Оленьки с сонливым увальнем Львом Нарышкиным, был как раз Воронцов. И поселились новобрачные именно в Одессе... Оттого и Елизавете Ксаверьевне казалось не совсем зазорным оказывать знаки внимания влюбленному в нее дальнему родственнику Александру Раевскому. Но, как нетрудно догадаться, треугольники сии равносторонними не были, ибо такова женская доля в подобных обстоятельствах. Раевский был отправлен в отставку и из Одессы удален. А Нарышкины продолжали жить в ней и благоденствовать. В случае долгих отлучек графа одесские чиновники, среди прочего, отписывали ему и о важных новостях в семействе Нарышкиных-Потоцких. Что ж тут такого, обычное беспокойство об одесситах и в особенности – о высокородных семействах города...

Милостиво и радушно поприветствовав гостя, Воронцовы отвели его к общему столу, усадили за него, подозвали слуг и служанок, коих обязали удовлетворить все гастрономические запросы гостя. Елизавета, искренне играя роль радушной хозяйки, спросила уже сидевших за столом, всё ли хорошо и вкусно. А услышав исключительно утвердительные ответы, показала свою знаменитую неотразимую улыбку. Михаил же Семенович взирал на всё это со сдержанным одобрением и, уходя, кивнул Натану особым образом, давая понять, что на аудиенцию тот будет вызван дополнительно.

По уходе хозяев стол вернулся к обычной для таких ситуаций атмосфере, слегка подогретой хорошим вином. Натан знал тут всех – Гижицкого из военной канцелярии, Туманского из дипломатического отдела, Денкера – из фискального. Отдельно отметил присутствие начальника военной полиции 2-й армии полковника Достанича. По чину и рангу ему, пожалуй, следовало бы находиться не здесь, а за «тесным столом». Но он почему-то предпочел сидеть с более молодыми и менее заслуженными коллегами. Горлис также отметил франтоватость 50-летнего Степана Степановича, прорезавшуюся у него в последнее время. Идеальной формы и

ухода бакенбарды-паруса¹², шейный платок модной расцветки в тон фраку. Что ж, пусть поиграет в «денди» – пока война не началась, ловля турецких шпионов не столь актуальна.

Ну а роль первой скрипки за столом играл Василий Туманский. Горлис неплохо знал его, поскольку служил тот в иностранном отделе канцелярии. К тому же сосватал одного туда дальний родственник, князь Виктор Кочубей. В свою очередь, узнав про сие, друг Натана Степан Кочубей у своего деда Мыколы порасспрашивал о красивой фамилии Туманских. И узнал, что идет она от казака черниговского полка Тумана-Тарнавы, что некогда означало беглого человека с туманным прошлым родом из села Тарнава. Но со «-ский» оно, конечно, красивше и по-барски. Горлиса неизменно забавляли подобные рассказы Кочубеев из Хаджибея, лучше всех генеалогических обществ раскрывавших тайны значительной части русской аристократии.

Туманский был славным человеком, острым на язык и лишенным склочности. Дополнительной известности ему, сочиняющему вирши, добавили приятельские отношения с поэтом Пушкиным, приписанным к его же отделу и иногда там даже появлявшимся.

Если же обратить внимание на стол – то он являл собой арену борьбы двух половинок семьи Воронцовых. Михаил Семенович, сам предпочитавший еду по-английски простую и полезную, пытался и гостей приучить к тому же. А прелест-

¹² Широкие баки, сросшиеся с усами.

ная Елизавета Ксаверьевна, любившая жизнь во всех проявлениях, нашла для дома двух прекрасных поваров – польского и французского происхождения. Они с удовольствием брались за исполнение ее гастрономических прихотей, поскольку с трудом выносили оскорбительные для их мастерства графские заказы: сваривание каш и куриных яиц, подсушивание хлеба и протушивание рыбы, приправленной одной только солью, да и то слегка. Такое противоборство создавало некоторые сложности для гостей. Ну, разумеется, им хотелось съесть – и немедленно – самое вкусное. Однако и оставить нетронутой здоровую часть стола, приготовленную по настоянию графа, было неудобно. Этак еще от стола отлучит или к жене приревнует. Выходить из подобной непростой ситуации помогали повара графини, но как – скоро узнаете.

Пока ж – о том, что было сегодня на столе. Прежде всего, польский хлодник – это как украинский борщ, тоже из буряка, но только холодного приготовления. И в этом содержался намек на скорое лето, когда хлодник в Одессе бывает особенно хорош. Но сейчас-то весна. И не самая теплая. Так что для желающих горяченького был сготовлен шотландский суп кокки-лики, на курином бульоне с черносливом, луком-пореем и разными травами. Кроме супов подавались польские колдуны со сметаной. Причем сделанные с самой разнообразной начинкой – мясной, рыбной, творожной, фруктовой. Отдельно были разложены несколько видов паштетов и брынзы из Бессарабии. И на сладкое пудинг с

местным колоритом – изюмом и дикими абрикосами. Но это всё, как вы понимаете, бог послал со стороны хозяйки, Елизаветы Ксаверьевны.

А вот, извольте узнать, что с боку хозяина: вареная телятина, вареные яйца, овсяная каша на молоке. И это, представьте себе, съедалось в первую очередь. Причем не только из-за чинопочитания, а благодаря поварским хитростям. Во-первых, сия часть блюд готовилась в заниженных количествах – мизерными порциями, дабы по окончании стола было докладывать хозяину: «Всё съедено!» Во-вторых, к яйцам и телятине готовился французский соус *mayonnaise*, согласно легендам, изобретенный дедом одесского градоначальника Дюка – маршалом Ришелье¹³ во время перебоев с едой в боях за город *Mahon-Mao*¹⁴. И уж с этим *mayonnaise* съесть можно что угодно. А вот овсяная каша с молоком готовилась на тишайшем, как Алексей Михайлович¹⁵, огне и столь долго, что, разварившись, она превращалась в нежнейший десерт, сродни сливочному крему, но без тяжести для желудка.

¹³ Луи Франсуа Арман дю Плесси де Ришелье (1696–1788), правнучатый племянник кардинала Ришелье, дед строителя Одессы дюка де Ришелье. Дуэлянт и волокита, маршал Франции. Друг и покровитель Вольтера.

¹⁴ Город Маон, имеющий разное написание в испанском и каталонском языках, главный город острова Менорка, входящего в Балеарские острова. В 1756 году, во время Семилетней войны, был отбит французами у британцев.

¹⁵ Алексей Михайлович (1629–1676), второй московский царь из династии Романовых, носил прозвище Тишайший.

Горлис, не часто бывавший на подобных встречах, старался вести себя скромно и естественно, чтобы впоследствии не стать объектом для пересудов и насмешек. Однако всё ж не удержался и по чуть-чуть – из любопытства – перепробовал всё, что подавалась к обеду, переходившему в ужин.

За столом говорили о многом. Как ни странно, но о войне с османами, ожидавшейся с прошлой осени после Наваринского сражения¹⁶, а еще больше – от последующего закрытия Босфора для русских судов, рассуждали мало. Должно быть, надоело болтать об очевидном и воспевать мудрость матушки Екатерины II, завещавшей русскому оружию неуклонно, шаг за шагом, идти к Византию-Константинополю, ставшему вдруг Стамбулом.

Зато много внимания уделялось такой новости, как достройка парохода «Одесса», производимая на верфях в Николаеве. Впрочем, там делался корпус суда. А паровую машину долго и мучительно везли из самого Петербурга. Инициатором проекта был Воронцов, однако отвечали за его исполнение российский вице-адмирал Грейг и херсонский купец Варшавский, который выиграл подряд. Вся история тянулась два года, имея столько подробностей, что о них мож-

¹⁶ Крупное морское сражение 8 (20) октября 1827 года между англо-франко-российской эскадрой и турецко-египетским флотом в греческой Наваринской бухте Ионического моря привело к разгрому османского флота. Битва началась во многом случайно из-за слишком решительных действий командира эскадры британского адмирала Эдварда Кодрингтона. Итог боя был во вред британской внешней политике и на пользу российской.

но было писать отдельную презабавную книгу. Но вот строительство долгожданного парохода наконец подходило к полнейшему завершению (ибо «неполных» бывало уже несколько). Пробный рейс в тѣзку, Одессу-город, ожидался со дня на день. По слухам и на примере других стран, паровая машина, пароходы вообще – прекрасная новация! Так что «Одессу» в Одессе ждали с нетерпением и оптимизмом.

А вот и лакей пришел, позвавший Натана на аудиенцию к Воронцову.

* * *

Домашний кабинет генерал-губернатора был уже на треть пуст, поскольку вещи его порциями перевозились во Дворец на Бульварную улицу. Граф показал гостю, что тот может присаживаться. Одновременно уселся сам и завел речь:

– Я к вам вот зачем обратился, господин Горли.

– Да, слушаю, ваше сиятельство!

– Оставьте. Можете обращаться ко мне просто Михаил Семенович. А вас, кстати, как по батюшке?

– Натаниэль Николаевич. Но это исключительно для воспитанников Лицея и Училища. Вообще же я предпочитаю европейскую традицию – обращение по одному только имени.

– Как же, помню. Господин Орлай мне рассказывал... Любезный Натаниэль, у меня к вам вопрос, возможно, несколько

ко неожиданный. Живя в Париже, как говорят, вы хаживали в Королевскую библиотеку?

– Да. Были такие счастливые дни и часы.

Воронцов сдержанно улыбнулся:

– Я тоже бывал в ней. Вероятно, мы там даже могли встретиться.

– Был бы рад таким совпадением. Но, полагаю, вряд ли. Я бы наверняка заметил сиятельный костюм вашего сиятельства.

Используя такую иронию, несколько вольтерьянскую, Натан слегка рисковал, впрочем, не очень многим – сотрудничество с канцелярией не было для него главным источником доходов. А на что-то худшее, чем отставка, он не наговорил. Но Воронцов не только не обиделся, но, напротив, одобрительно кивнул головой и улыбнулся.

– Узнаю парижский сарказм. Спасибо, что напомнили. Однако, командуя русским корпусом во Франции, я часто ходил в партикулярном платье. Именно потому, что корпус – оккупационный.

– Что ж, в таком случае я искренне сожалею, что не узнал вас в гражданской одежде.

– Зато судьба подарила вам знакомство и общение с де Ришелье дю Плесси.

– Воистину. А сразу две таких ярких встречи, похоже, в ее планы не входили... И всё же, как говорится: *Il vaut mieux se rencontrer à Paris.*

– Всё так. «Знакомиться лучше в Париже». После лет, проведенных во Франции, и я люблю эту поговорку. Впрочем, она не универсальна.

Воронцов сделал небольшую паузу в разговоре. Натан же про себя отметил, сколь прост и комфортен для него сей разговор, первый такой после собеседования при приеме на работу, неспешно подробный и *tête à tête*. Надо же, как быстро, ритмически ловко и точно по оттенкам смыслов граф перевел на русский язык французскую поговорку. Это неслучайно. Сам прекрасно говоривший и писавший на английском и французском, Воронцов главным языком одесских канцелярий сделал русский. Впервые за время существования Хаджибея-Одессы... И про Ришелье, кстати, он тоже напомнил совсем неслучайно. Ведь скоро – долгожданное открытие памятника Дюку посреди Бульвара.

– Но довольно любезностей, – продолжил Воронцов. – Перейдем к делу. Думаю, кроме нас с вами, в Одессе не найдется человека, который бы так часто заходил в парижскую библиотеку и столь же хорошо знал ее обустройство. С другой стороны, как видите, мы с супругою затеяли переезд в наше новопостроенное жилище. А это хороший повод проинвентаризировать имеющиеся книги и богатые исторические архивы нашей фамилии. Но я, видите ли, слишком занят делами генерал-губернаторской службы. Потому хочу попросить об этом одолжении вас.

Натан представил объем и содержание Воронцовской биб-

блиотеки и испытал после этого противоречивые чувства. Безумно интересно всё это увидеть и полистать. Но у него и так много дел...

Почувствовав его колебания, Воронцов поспешил дать дополнительные объяснения:

– Скажу сразу, что дело не срочное. Вы сможете работать как здесь, так и во Дворце на Бульварной. При этом, разумеется, в вашем распоряжении будут наша кухня и лакеи. К тому же на ближайшее время я освобождаю вас от текущей работы в моей канцелярии. Но чтобы вы не подумали, что я хочу систематизировать свою библиотеку на казенный кошт, поясню главную суть работы. Большую часть своих книг и часть архива я передам новообразованной генерал-губернаторской библиотеке, которая будет в публичном пользовании. Списки книг мы будем формировать вместе.

– Да, Михаил Семенович, я согласен.

– Прекрасно. Но есть еще одно условие.

– Какое же?

– На ближайшее время вы также оставите вашу работу в Австрийском и Французском консульствах.

– Но-о...

– Я понимаю ваши затруднения. Обязательства перед работодателями и возникающее в связи с этим чувство неловкости... Но ежели вы согласны на главное, работу с библиотекой, то дипломатическую часть, переговоры с фон Томом и Шалле, мы берем на себя. Этим займется Павел Яковлевич.

И снова повисла пауза. Ох, непрост генерал-губернатор – эвон как беседу выстроил. Сначала добился согласия, а потом поставил условие, которое трудно не выполнить, чтоб это выглядело приличным. Павел Яковлевич Марини – внебрачный сын всё того же Виктора Кочубея, взятый Воронцовым руководить дипломатическим отделом канцелярии, непосредственный начальник Туманского, Горлиса и еще нескольких человек. То есть вопрос отхода Натана от дел в иноземных учреждениях становился, как бы, вопросом внешнеполитическим. И если Горлис сейчас откажется от предложения Воронцова, то проявит нелояльность к российской короне. А времена нынче не те, что были ДО 1825 года¹⁷. И тут, пожалуй, без общения с жандармами из Третьего отделения не обойдется. Но и безропотно соглашаться со всем этим выглядело как-то не *comme il faut*¹⁸.

– Позвольте узнать, ваше сиятельство, а допустимо ли будет моей скромной персоне сохранить хотя бы сотрудничество с Лицеєм и Училищем?

– Ах, любезный Натаниэль, вы так любите работать... Разумеется, позволительно.

Тут разговор внезапно прервался. В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, открыли ее. Это была Елизавета Ксавьеревна.

– Мишель!

¹⁷ Имеется в виду восстание декабристов.

¹⁸ Должным образом, как следует (*франц.*).

– Что?

– Рине плохо!

Воронцов вскочил и, бросив на ходу: «Благодарю вас! Более не держу. Жду во вторник», – пошел за супругой. Натан остался один в опустевшем кабинете. Печальная история: Александрина – старшая дочь Воронцовых – была болезненной девочкой. Как и Катерина, и Александр, сей мир уже покинувшие. Утешало только то, что младшие, Семён и София, росли крепкими и здоровыми. Люди, мистически настроенные, говорили, что и другим детям, ежели у Воронцовых еще будут, следует выбирать имена на «С».

Глава 3

≡ 1828 ≡

МАРТЪ

/ ДАВР
АВРЛ

АПРѢЛЬ

/ АВРЛ
АВР

	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г
ПН	5	17	12	24	19	31	26	7
СТ	6	18	13	25	20	1	27	8
СР	7	19	14	26	21	2	28	9
ЧТ	1	15	8	20	15	27	22	5
ПТ	2	14	9	21	16	28	23	4
СБ	3	15	10	22	17	29	24	5
ВС	4	16	11	23	18	30	25	6

	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г	Ю	Г
ПН	2	14	9	21	16	28	23	5
СТ	3	15	10	22	17	29	24	6
СР	4	16	11	23	18	30	25	7
ЧТ	5	17	12	24	19	1	26	8
ПТ	6	18	13	25	20	2	27	9
СБ	7	19	14	26	21	3	28	10
ВС	XIX	8	20	15	27	22	4	29

Натан вышел из кабинета, аккуратно прикрыв дверь. Финальная часть разговора сложилась со всех сторон скверно. Потому и настроение стало вдруг нехорошим.

Натан остановился в растерянности, не зная, в какую сторону идти. И никого поблизости — ни слуг, ни хозяев, ни гостей. Раздавались только равноудаленные звуки: детский плач, возгласы застольного оживления, громкий басовитый ход напольных часов. *Merde!* Черт возьми! Что ж делать? Ну, не звать же кого-то на помощь — этак совсем олухом прослы-вешь.

Горлис вслушался, по возможности максимально чутко, пытаясь уловить, откуда идут звуки застолья. Кажется, вот этим коридором нужно выходить. Проход и впрямь привел к лестнице, но не парадной, а узкой, винтовой. Что ж, черный ход – всяко лучше, нежели блуждать, не зная пути. Спускаясь, увидел внизу две двери. Та, что побольше, должно быть, выход во двор. Но Натан не успел это проверить, как открылась другая дверь, поменьше. И из нее выглянул... Хм-м, это был не кто иной, как Степан Кочубей!

– *О, Танелю!.. Радий бачити.*

– Я тоже. *Степко*, а выход здесь?

– *Так, о-там-о!*

– А ты тут?..

– *Ой, пробач, друже, кваплюся. Зайнятий. Завтра побачимось. Бувай!* – и закрыл дверь.

Горлису показалось, что до того, как дверь захлопнулась, он успел приметить и узнать одного из людей, находившихся внутри. И то был поэт, дипломат Туманский.

* * *

Натан вышел во двор, затем вернулся в дом через парадную дверь, объяснив лакею, что ходил дышать свежим весенним воздухом, получил назад свой плащ, цилиндр и отправился домой пешком – через переулок до Екатерининской площади, а далее по Ланжероновской. Двуколку или карету

брать не хотелось. Хотелось поразмышлять, а в ходьбе это получалось лучше.

Итак, его приблизили к большому человеку, который любит книги так же глубоко и искренне, как он сам. Лестный факт и хорошая работа. Но то, как было оформлено приглашение, Натана не радовало. Если называть вещи своими именами, ему отныне категорически запрещено работать с Австрийским и Французским консульствами. Что во втором случае совсем странно, учитывая французское подданство Натаниэля Горли.

Но чем это может быть вызвано? Нашли какую-то неблагонадежность в его письмах? С появлением жандармского корпуса в России доноительство выросло, а перлюстрация стала более частой. Горлис учитывал это и старался писать лафонтеновым языком¹⁹. Что с учетом нижегородского французского и бердичевского немецкого, свойственных российским цензорам, казалось безопасным. Что еще? Общие меры, принятые к скорой войне? Но после Наваринского разгрома турецкого флота, а тем более после подписания мирного договора с Персией²⁰ о предстоящей войне говорят столь часто и назойливо, что верить в это почти перестали... Или – вдруг! – какое-то обострение в Греческой рево-

¹⁹ *Жан де Лафонтен* (1621–1695) – французский баснописец, чрезвычайно популярный в России, чье творчество изучалось в лицах. Образец для подражания русских баснописцев.

²⁰ Окончание Русско-персидской войне (1826–1828) было положено Туркманчайским мирным договором, подписанным 10 (22) февраля 1828 года.

люции²¹? Для Петербурга это важно, ведь бывший министр внешних сношений России граф Каподистрия с начала этого года, по прибытии в столичный Нафплион²², стал правителем нарождающейся воюющей Греции...

Горлис подходил к своему дому, когда из задумчивости его вывел звонкий и светлый голос:

– Здравствуйте, господин Горли!

– Здравствуйте, Ивета!

Вот как задумался, что даже не заметил Ивету Скавроне, идущую навстречу. Милая девушка, вот уж год живущая в его доме, в недорогой комнате с северной стороны на мансарде (или на *горшци*, как сказал бы Степан). Впрочем, Ивета – такой лучик света, что от нее, кажется, в любой комнате должно быть светло.

Зайдя в свой кабинет, Натан сделал пометки по впечатлениям сегодняшнего дня. Странно, но такая обычная и, казалось бы, ничего не значащая встреча с его жилищей вновь, который уж раз за этот день, развернула его настроение. Действительно, что грустить? В сущности, всё замечательно – у него впереди прекрасная работа с интересными книгами и не менее занятное общение с их хозяином. А то, что многое непонятно, так не страшно. И кстати, уже завтра на Кочубе-

²¹ Греческая революция, называемая также Войной за независимость (1821–1830), закончилась признанием Османской империей независимости Греции.

²² 11 апреля 1827 года III Национальное собрание избрало Иоанна Каподистрию правителем Греции, а труднодоступный город Нафплион в горах объявило столицей страны.

евом хуторе он получит у Степана ответ на многие вопросы.

Посмотрел на часы. Вот тоже хорошо – скоро представление с его Финой в главной роли. Нужно идти, вот только туфли протереть... Но в поисках фланели Горлис бросил взгляд на календарь и вновь увидел: «31 марта 1828 года». Ах, нет, в театр сегодня не стоит. Лучше – в церковь. Точнее – в разные храмы. Почтить память людей, и хороших, и плохих, и неплохих, кто не пережил той истории десятилетней давности.

Вечером, по возвращении из театра, Fiна хотела уж обидеться, что не пришел на спектакль, хотя договаривались. Но когда он кивнул на календарь и напомнил про события этого дня в 1818 году, она только ойкнула. И крепко обняла его. Да отошла в сторону, не мешая предаваться воспоминаниям и размышлениям.

* * *

Их отношения с Финой были, может, и не так страстны, как с Росиной, но зато более прочны, спокойны и в таком качестве благожелательно признаны окружающими. Услышав имя Fiны уточняли: «А-а, это та наша меццо-сопрано, что живет с крестником Ришелье?» Ну а про Горлиса при случае говорили: «О-о, это тот французик, к которому переехала прима нашего Театра».

Горлис часто вспоминал слова де Ланжерона, уже ушед-

шего с административной службы. Они были сказаны Натану, конечно же, наедине, когда Фина переехала с опостылевшей съемной квартиры в его дом: «Браво, мой юный друг! Вы еще раз явили нам не по летам похвальную зрелость ума. Вы за семь лет дошли до того, на понимание чего другие тратят в три, а то и в пять раз больше времени. Любовь танцовщицы – это как коллеж. Любовь сопрано – университет. Но если она к тому ж еще и прима – то уж никак не меньше, чем Академия!»

Если бы нечто подобное сказал ровесник или человек чуть старше, Натаниэль, пожалуй, вызвал бы его на дуэль. Но поседевший, израненный во многих войнах и годящийся ему в отцы Александр-Луи де Ланжерон – иное дело. К тому ж все помнили, что в бытность свою генерал-губернатором он сживал в дамских гримерных Театра дольше и чаще, чем в кабинете своей канцелярии, расположенной через дорогу от одного. Так что сии слова можно было считать и запоздалой самоиронией 63-летнего бонвивана в отставке.

Горлис в ответ лишь смешливо пожал руку генералу, показывая, что оценил все грани его тонкого высказывания. Да, он не стал с ним спорить, хотя и не был согласен с услышанной параболой. О, нет, не была в его жизни Росина коллежем, как и не стала Фина академией. Изобретая эти остроумные формулы, Ланжерон опирался на свой опыт. Но у Натана был совершенно иной. Исчезновение Росины, ее внезапный отъезд после так и не состоявшегося объяснения больно

сладнили душу. Да и сближение с Финой, семь лет спустя, не состоялось бы, когда б не ее нервическая ссора с поэтом.

* * *

Грешная утренняя любовь в начале наступившего воскресного дня, слившая воедино Натана и Фину, была сладкой, тягучей, душистой, словно мед, собранный на кистях робинии, которую в здешних краях варварски называли «белой акацией». Когда ж всё закончилось, они еще долго лежали недвижно и крепко обнявшись, словно боясь самой возможности в одиночку выйти навстречу миру, что за стеной их дома... Потом Фина вскочила. Напевая арию из любимой «Золушки» и почти не красясь, уехала в храм – за отпущением грехов по седьмой заповеди...

Натан же... Вы уж извините, но в воскресенье с утра он в костел не пошел, решив, что с него, как с правоверного христианского еврея, будет достаточно и субботней вечерней службы. Так что еще повалялся в постели, бездумно, ибо ни на чем более минуты мысли его не останавливались. Потом встал и оделся, попроще – без фрака, остерегаясь дружеских подначиваний Степана.

Однако на выходе из дома к Горлису появился гость, правду сказать, неожиданный. Это был Люсьен де Шардоне, занимавший лучшую квартиру в его доме. Но зачем он мог прийти? Имея доходы прочные и стабильные, куафёр платил

исправно, нередко – наперед. Неужели и он начнет говорить о снижении платы, как другие? Но нет, разговор получился даже более тревожным.

– Господин Горли! Рад вас видеть. И хочу обратиться с просьбой.

– Да, дорогой господин де Шардоне! Слушаю вас.

– Я слышал, что у вас есть богатый опыт... способствования работе одесской полиции. Можете ли вы и мне помочь в одной истории?

– Ну... Видите ли... Да, бывает, что полиция обращается ко мне за помощью и я иду ей навстречу... в целях безопасности одесситов. Но такие, частные обращения – видимо, не ко мне.

На самом деле у Горлиса с Кочубеем бывали дела и по приватным делам. Однако говорить об этом посторонним не стоило.

– Я понимаю. Но мой запрос совершенно невинный. При том не бесплатный. Вы, пожалуй, знаете историю о цыганке, пророчествовавшей мне беды?

– Да. Так совпало, что и я тогда был среди посетителей вашей «академии».

– Просьба проста. Не могли бы вы помочь мне найти ее?

Горлис задумался. Жизнь цыган Бессарабской области весьма далека от описанной в пушкинской поэме. Они находятся на положении крепостных, почти рабов – короны, монастырей, бояр, помещиков. Вышедшая в этом году мно-

гообещавшая Бессарабская хартия, увы, ничего в их печальном положении не изменила. Согласно ей, кстати, розыск крепостной без разрешения ее хозяина – в принципе незаконен. А значит, чреват встречным иском. Не говоря уж о том, что неизвестно, кому принадлежит эта цыганка. И последнее: искать лаёши, неоседлых цыган «на откупе» – занятие вообще, если и не бессмысленное, то весьма трудное... Но Люсьен выглядел таким растерянным и беззащитным, что Натан всё же спросил у него:

– Извините, а насколько важен сей вопрос? Может, та особа или ее близкие вам угрожали?

Похоже, нет... Но Шардоне не решался сказать об этом прямо, опасаясь, что тогда Горлису будет проще отказать.

Натан почувствовал, как он, уже собравшийся и одетый, начинает покрываться потом. Так, нужно либо раздеваться, либо уходить. Лучше бы второе.

– Дорогой де Шардоне, ныне мне нужно идти. Но, если позволите, я еще подумаю над вашим предложением, – и, обменявшись с Люсьеном прощальными кивками, вышел во двор.

* * *

Сначала Горлис заехал на базар за гостинцами для Кочубеевой семьи. Удивительно, но сегодня его вез Яшка-ямщик, тот самый, что десятилетие назад отвозил в тюрьму. По ста-

рой памяти Яшка помог сначала загрузить гостинцы в карету (уже не двуколку, как было когда-то), а по приезде выгрузил всё да еще и донес до самой хаты. По дороге Натан подумал, что как раз к Кочубеям будет удобно обратиться с просьбой Люсьена поискать цыганку. Кажется, отец Степана – Андрей, учился в старой молдавской столице Яссах (чуть ли не в Академии Домняска²³). Так что у него должны быть хорошие связи среди молдаван, причем по обе стороны Прута (как их разделила Россия, отхватившая половину княжества).

Новый хутор Степана Кочубея и его семьи располагался совсем недалеко от старого, общего с сестрой Ярыной и братом Васылём. Женившись, Степан остепенился, но не растолстел, как многие. С шустрыми детьми-погодками быстро жирок растрясешь. Что до хозяйства, то он специализировался на тутовых червях, свежих в сезон овощах и фруктах (многие господа любят, когда только-только с сада-огорода). А также завел большой горластый курятник. Наследуя английской моде Воронцова, теперь многие потребляли яйца на завтрак. Да и куриный помет, не слишком жгучий, хорошо раскупался на удобрения. Василь тоже женился, но дитё имел пока лишь одно. В хозяйстве же он занимался гужевыми работами. Сестра их Ярына уехала из Одессы под Херсон

²³ *Academia Domnească* – Королевская академия (рум.). Высшее учебное заведение в княжестве Молдова, существовавшее в 1707–1821 годах. Преподавание в нем велось преимущественно на греческом языке.

– вышла замуж за справного казака из бывшей Олешковской сечи с красивой евангельской фамилией Луки.

Хозяева радушно открыли двери, вновь пожурив, что Танеля опять пришел без своей голосистой суженой. Увидев же гостинцы, стали *бідкатись*, что же гость-столько-накупил-в-дом-когда-всё-есть-зря-только-*гроші*-тратил. И лишь дети без церемоний схватили пару сладких гостинцев и начали их есть, не слушая строгих замечаний, что до обеда нельзя. Детей назвали Мыколкой, в честь Степанова деда, и Улей, в честь Степановой тещи. Вот тут, пожалуй, нужно рассказать и о жене Степана – Надежде Покловской.

Степан звал ее только по-украински – *Надійкою*. Или же, когда бывал в настроении более патетическом – «*моя Надія*». Отношения их виделись трогательными, и смотреть на них было радостно. Взаимная любовь чувствовалась в каждом жесте, взгляде. А если случались прилюдные ссоры, то они были бурными и быстропроходящими, как майская гроза. Видимо, оттого не казались вполне серьезными. Так, просто некая смена сцен и декораций в жизненной пьесе, дабы не заскучать.

С приходом *Надії* к власти на кухне меню в этом доме несколько изменилось. Появился привкус лесных краев, западных губерний, откуда происходило семейство Покловских. Кочубей, конечно, периодически бунтовал, показывал, как правильно готовить хаджибейский борщ на тарани («*От Ярина це вміла!*») или казацкий кулеш. Надежда сильно не

спорила, старалась перенять какие-то южные рецепты. Но праздники своей кухни не прекращала. Вот и сегодня было именно *таке свято*. Поэтому вместо борща – грибной суп, пахнувший, кажется, самым птичьим пением и стреко-таньем в деревьях (откуда *Надія* взяла грибы, бог весть – должно быть, отец привез из недавней инспекции). Ну а на все остальные ожидания отвечали – и достойно – плесканы, тонкие лепешки из гречишной муки, жаренные на масле до хрусткой корочки. А к ним подавалось пять татарских пиа-лок с разным покрытием для лепешек – мелко нарубленными *смаженою куркою, печеною рибкою з цибулею* да тремя видами варений.

Натан уплетал за обе щеки, нахваливая хозяйку, мол, откуда такая нашлась для его лучшего друга? На самом деле Натан в общих чертах знал, что отец Степановой жены, Сильвестр Романович, ранее работал по почтовой части. Однако история появления семейства Покловских в Одессе, рассказанная сегодня в развернутом виде, оказалось преинтересной.

Как-то граф Ланжерон на излете своей генерал-губернаторской карьеры и по дороге в Петербург сильно обозлился на нерадивого смотрителя пятой от Одессы почтовой станции. А прибыв в Петербург, он встретился с давним знакомым Варфоломеем Гижицким, бывшим в то время Волынским губернатором. На каком-то приеме Александр Федорович и Варфоломей Каэтанович разговорились. Ланжерон

получил душевную просьбу передать приветы одесским Гижицким, детям недавно почившего Игнатия Ивановича. В свою очередь, чтобы позабавить гостя – под бургундское, – граф поделился свежей «почтовой» историей, выставив ее в смешном виде. Но Гижицкий в ответ не на шутку расхвстался, дескать, в его-то губернии станционные смотрители – один другого краше. Тогда Ланжерон заявил, что не станет передавать никаких приветов одесским Гижицким, ежели Варфоломей Каэтанович не поделится с ним станционным смотрителем. И не нужно отдавать лучшего, пусть даст хотя бы одного из лучших – так сказать, ха-ха, на распад. Гижицкий же заявил, что шляхетский гонор полумер не приемлет – и он договорится о переезде к своему другу лучшего станционного смотрителя его губернии!

Так отец Надежды с семейством оказался под Одессой. А вскоре Покловского перевели с повышением на Одесскую почту. Когда же в 1827 году создавались линии экспресс-почты Одесса – Петербург, Броды – Петербург и Одесса – Броды, то Сильвестра Романовича поставили руководителем обеих одесских линии, отчего он часто колесил по ним с инспекционными поездками.

* * *

Отобедав, мужчины ушли в Степанов кабинет, оставив *Надii* и ее помощнице занятия по хозяйству. Да, многое из-

менилось в доме Степана. И жена – панночка. И одежду носил уже господскую. Даже кабинет свой заимел, как пан настоящий.

Когда они остались наедине, Натан поведал о вызове к Воронцову, о пожелании, чтобы он занялся графской библиотекой, значительная часть которой должна будет стать городским достоянием. И о странном требовании прекратить сотрудничество с иностранными консульствами в Одессе. Вот уж, кажется, всё рассказал и замолчал – в ожидании ответного рассказа. Но вместо этого установилась тишина.

– *Степко!*

– *Що?*

– А ты мне ничего рассказать не хочешь?

– Та ну... Оно, конечно, можно. *Але ж нема чого.*

– Как это «*нема чого*»?! Что-то я раньше нечасто видал тебя у генерал-губернатора. Точней – ни разу!

– *Ну а тепер побачив. І що з того?*

– Что за тайны? Мы же с тобой всегда всё вместе судили-решали, – сказал Горлис, уже с долей возмущения.

– *Та які там тайны! Про курячі яйця домовлявся* и битую курку. Воронцов думает, что они самые полезные. После овса, конечно.

– И с Туманским тоже про «*курячі яйця*» говорили? – спросил Натан, совсем уж нервно.

Тут по лицу Степана прошло нечто вроде быстрой судороги. Но он взял себя в руки:

– Да, ровно так! И еще про битых курок с Туманским договаривались.

– Что за дурные шутки?

– Какие есть, *Танелю-розумник*. Не все ж так глыбоко мыслят.

– Ну, знаешь!..

Натан порывисто встал, уронив стул, и выскочил из кабинета. Следом вышел Кочубей. *Надія*, с делами уже управившаяся и помощницу отпустившая, играла с детьми. Увидев Натана с перекошенным лицом, она и сама изменилась во взгляде.

А у Горлиса и руки тряслись – он был в бешенстве, состоянии для него не частом. Но он принял Степанову молчанку, откровенную ложь, сдобренную злой иронией, за почти что предательство. Натан привык к подобному поведению других людей, включая Дрымова. Но Степан... Степан... После всего ими пережитого и пройденного!

Гость начал порывисто одеваться, стараясь унять дрожь. На языке тем временем вертелось множество слов – тонко язвительных и простенько грубых, но он сдерживался, чтобы не выпустить их наружу. Однако, совсем одевшись, Натан всё же развернулся к неверному другу и попытался сказать:

– Ты!.. Ты!.. – но тут предательски почувствовал, что лицо перекашивается, как у балаганного Петрушки, а еще несколько мгновений – и потекут слезы.

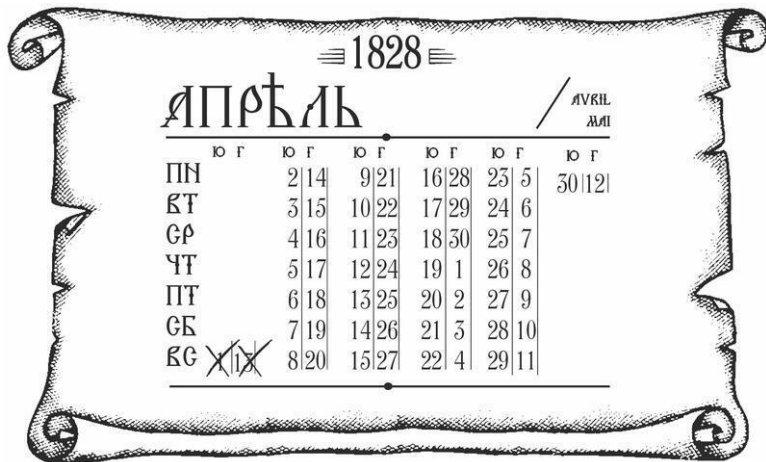
Бросил взгляд на Степана. Но обличье того оставалось

всё тем же – уныло-каменным. Тогда посмотрел на Надежду и увидел, что растерянность в ее лице сменилась каким-то другим выражением, коему трудно подобрать определение – узнаванием что ли?.. Иль нет – скорее прозрением.

Натан развернулся и вырвался из дома во двор, продолжая давить слезы по дороге к фортке.

Как быстро, как внезапно и глупо всё сложилось. Казалось бы, ничего особенно плохого не сказано, но ложь, но интонация, но выражение лица! И сам факт выставления спрашивающего идиотом... Не хочется ему больше иметь дел с таким человеком!

Глава 4

Столь сильная и, в общем-то, детская реакция Горлиса на ссору с Кочубеем стала для него самого неприятной неожиданностью. Зрелый, серьезный, самодостаточный человек, практически «академик» по определению Ланжерона, – и на тебе! Почти слезы, почти истерика. Да еще в присутствии посторонних. Ну то есть как... жена, дети Степана – всё же не совсем посторонние. Особенно *Надййка*. С нежностью, дотоле неведомой, Натан вспомнил ее лицо, обращенное к нему перед уходом, сочувствующие глаза. Хотя нет, слово «сочувствующие» тут, пожалуй, не подходит. Порыв души, выра-

жаемый ими, был много сложнее и глубже...

Дома любезная Фина сразу же почувствовала его скверное расположение духа и, услышав краткую версию произошедшего, постаралась развеять грусть своего избранника. Достала один из своих итальянских ликеров, судя по цвету, *Amaro*, и рюмочки для его вкушения.

– Милый, – сказала Фина. – Что поделать, жизнь бывает горька. Но эта горечь, помноженная на горечь *Amaro*²⁴, вместе помогают лучше и наново ощутить радость жизни. Тем более что сегодня *Pesce d'aprile*²⁵, хоть и по русскому календарю. *Salute*²⁶!

– *Salute!* – ответил Натан, и они надпили по небольшому глотку из крошечной рюмки.

За долгие годы жизни и работы в России Фина хорошо освоила русский язык. И он был общим для них с Натаном. Когда-то с Росиной они разговаривали по-французски. Фина тоже прекрасно знала этот язык, но предпочитала на нем не общаться. Она не хотела, чтобы что-то в их нынешней жизни напоминало о той, прошлой, и о тех отношениях. Потому и никаких *amore, tesoro, dolce*²⁷, как называла его Росина, тоже

²⁴ *Amaro* – горький (*итал.*). Итальянский травяной ликер сладко-горького вкуса. Ведет свою «родословную» от старых монастырских рецептов. Массовое производство Амаро началось в XIX веке.

²⁵ Дословно «апрельская рыба» (*итал.*). В переносном смысле – День дурака, День шутки. В ряде европейских стран неформальный праздник.

²⁶ Здравья! (*Итал.*) Краткое застольное пожелание у итальянцев.

²⁷ *Amore, tesoro, dolce* – любимый, сокровище, милая (*итал.*). Традиционные

не было. Все нежности – только на русском, как будто бы со сменой языка менялись и чувства.

А далее Фина начала изображать в голосах и лицах детали сегодняшней службы в храме – с переглядываниями, перешептываниями и оброненными предметами. По-видимому, многое, если не всё, на ходу выдумывала. А вместо долгой обрисовки деталей или событий пропевала одну-две строки из арий, не только своих и не только женских. Или просто давала удивительные импровизационные колоратуры. В этом маленьком спектакле, даваемом только для него, всё было не только смешно, но и удивительно точно в деталях, гармонично в переходах. И вот настал самый раз-гар представления – Фина показывала, как во время службы у барона Рено, не устающего гордиться своим титулом²⁸, упала золотая запонка да куда-то закатилась. Это привело к общему оживлению в соседних рядах и помощи в розыске. А *padre*, не прекращая службы, глазами указывал правильное направление поиска...

Но в сей момент в дом пожаловал частный пристав Дрымов. Вы только не смейтесь, но где-то во глубине души у Натана мелькнуло предположение, что Афанасий как-то узнал про его вселенскую ссору со Степаном и пришел поддержать

обращения близких людей, супругов.

²⁸ В 1820 году по ходатайству Армана дю Плесси де Ришелье, бывшего одесского градоначальника, в то время премьер-министра Франции, Людовик XVIII пожаловал Жану Рено баронский титул. При этом Государственный сенат Российской империи разрешение на ношение российского титула барона Рено не дал.

по-дружески.

Войдя в комнату, полицейский Дрымов козырнул по-военному (армейские любят над этим подшучивать). Эта привычка появилась у него после женитьбы, поскольку вдова, которую он повел под венец, происходила из армейской семьи – и отец военный, и муж покойный был офицером.

– Приветствую, господин Горлиж! Бонджорно, синьора Фина!

Эти приветствия также требует некоторого пояснения. В документах полицейского управления местный чиновник, во французском не слишком сильный, записал Горлиса (*Gorlis*) по аналогии с Парижем (*Paris*) – Горлиж. Вот и Дрымов в своем именовании строго следовал документу. Неслучайно и второе обращение. Женившись, Дрымов стал захаживать в итальянскую оперу. Не сказать чтобы так уж пристрастился, русские песни да поэзию Ломоносова по-прежнему ценил выше, однако же кой-какие познания в итальянском языке приобрел. Что и любил показывать.

– *Buongiorno*²⁹, *Atanasio*!

– Здравствуй, друг Дрымов! – Частный пристав несколько удивился такому обращению, но что поделать, Натану сейчас очень уж хотелось назвать кого-то другом. – Как дела? Как Мария Арсеньевна? Как детишки?

– Спасибо. Хорошо. Тинка растет. Потапка бежит.

²⁹ Формально – доброе утро (*итал.*). Однако итальянцы используют это приветствие вплоть до послеобеденного времени.

А вот это был крупный недостаток Дрымова и повод для семейных ссор – он, конечно, любил пасынка Прошку, но часто ошибался, называя его Потапкой. Была сделана семейная попытка устранить это недоразумение, произведя на свет чаемого Потапку. Но, увы, с первого захода получилась лишь Алевтина Афанасьевна. Впрочем, и ее отец обожал.

– Выпьешь ли с нами ликеру, Афанасий?

– Хм-м... Оно, конечно... Но не теперь. Правильно ли я понимаю, господин Горлиж, что негодник Абросимов – для тебя человек не чужой? И ты, как бы это сказать, его душеприказчик?

Натан переглянулся с Финой. Никанор Абросимов – известный одесский застройщик и купец дворянского, однако, происхождения. В прошлые годы у него были, и довольно долго, особые отношения с Серафиной Фальяцци. Потом они расстались, спокойно – без ссор и сцен, сохранив приятельские и даже доверительные отношения.

– Да, всё верно – я и есть душеприказчик Никанора Никифоровича Абросимова.

Надо сказать, в последние годы Абросимов сильно изменился. Испытывая проблемы со здоровьем, стал раздражителен, рассорился со многими близкими людьми, в частности с видным чиновником Вязьмитеновым, служившим ранее в Одессе, да потом переехавшим с повышением в центральные губернии. Будучи в таком состоянии, Абросимов решил привести в порядок свои дела. Однако, став подозри-

тельным, он никому не доверял, в особенности местным делопроизводителям и чиновникам. И ему показалось, что нынешний возлюбленный бывшей его Фины, имеющий в Одессе хорошую репутацию, – лучший из всех вариантов в качестве душеприказчика по завещанию.

– Видишь ли, Горлиж, дело в том, что миллионщик Абросимов сей час найден мертвым, я бы сказал, убитым. Так что пришло время нам поработать. Казенные дрожки ждут.

Фина ойкнула, всплеснув руками несколько театрально, что для актрисы естественно и отнюдь не свидетельствует о неискренности. Горлис же подумал: «Ну вот, как начался день с неприятностей, так и продолжается. И никакой сладко-горький *Amaro* не поможет».

* * *

Абросимов жил на Итальянской улице, в собственном просторном доме между Почтовой и Еврейской улицами. Натан не раз бывал здесь, когда занимался подготовкой документов по завещанию. И прислугу хорошо знал. Она была в количестве минимально необходимом для приличного человека: дворецкий, отвечавший и за всё хозяйственное обустройство дома, его помощник для физических внутренних работ по дому – печных и ремонтных; дворник, следивший также, чтобы дом внешне выглядел пристойно; кухарка, уборщица, горничная и двое слуг – один просто лакей, а

другой – ему на смену, но еще и с некоторыми медицинскими навыками. Вся прислуга выглядела равно подавленной и угнетенной. Но трудно было определить, что главной причиной тому – грусть по умершему барину или боязнь, как бы сию смерть не навесили на кого-то из них. (Всем было памятно прошлогоднее убийство архитектора Фрополли собственным лакеем.)

Дрымов с Горлисом зашли в спальню Абросимова, более холодную, чем иные комнаты, поскольку здесь одна створка большого окна, выходявшего во двор, так и оставалась приоткрытою. Взору их предстала такая картина: Абросимов лежал в своей кровати с запрокинутой головой, широко открытым ртом. Пальцы рук его, скрюченные и напряженные, вцепились в простыню под ним. При этом дверь в комнату оказалась выбитой. Прислуга объяснила, что хозяин закрыл ее и на стук долго не отвечал. Так что пришлось взламывать, когда время подошло к обеду. Почему так поздно спохватились? В последние годы барин завел привычку запираяться изнутри и запрещать его беспокоить, пока сам не позовет.

Получив самые общие пояснения, Горлис далее попросил Дрымова и двух подошедших на помощь нижних полицейских чинов развести всех по отдельным комнатам, дабы никто более друг с другом не общался. И стал разговаривать с каждым по отдельности, как учил его когда-то парижский наставник Эжен Видок. Это заняло много времени, потому что люди опасались отвечать откровенно и полно, боясь, чтоб

это им не навредило. Но и не отпирались, когда Горлис ставил вопросы просто и понятно. Так что какие-то ответы всё ж были получены.

Перед тем как опрашивать всех, Горлис с Дрымовым также узнал, кто где в этом доме живет и ночует. Итак, спальня самого Абросимова была на втором этаже в торце, с большим окном во двор. Дворецкий жил в отдельной комнатке под парадной лестницей. Дворник и печник-ремонтник делили на двоих одну общую комнату на первом этаже. Неподалеку располагалась комната для женской прислуги – уборщицы и кухарки. На втором этаже небольшая комната была отведена для горничной и лакея – мужа и жены. Специально для второго лакея с санитарной нагрузкой выделили комнатку с маленьким окном – из обширной ранее двухоконной туалетной комнаты.

Далее подробно и с элементом нервности выпросив всех, Горлис с Дрымовым получил такую примерно картину. Накануне в субботу всё было ладно, барин чувствовал себя неплохо, иногда даже подначивал домашних. Отужинал в столовой и пошел почивать, взяв на ночь воды и лекарств, выделенных ему по норме вторым лакеем. А дальше в доме состоялось небольшое празднование, не так чтобы совсем тайное, однако для барина не афишируемое. Все собрались на кухне, находившейся на первом этаже, далеко от спальни, чтобы отметить вполголоса «розовую свадьбу» единственной супружеской пары, жившей в доме. Пили немного и во-

обще не шумели – а вдруг Абросимов проснется и накостыляет (он на руку был тяжел, даром что болел). Отгуляв, всё прибрали и легли спать где-то после полуночи. Последним по дому прошелся печник, убедившийся, что в печке, отапливающей барскую спальню (и туалетную комнату) синие огоньки погасли и можно закрывать заслонку, чтоб тепло не выветрилось. Далее до утра, по общим уверениям, все спали крепко и ничего не слышали.

Исключение составлял второй лакей. Посреди ночи он услышал шевеление за стеной в барской комнате. Опасаясь, что у Абросимова болезненный приступ, хотел зайти к нему в спальню. Но она оказалась закрыта изнутри. Ничего необычного в этом также не было. Но слуга всё же постучал в дверь, спросив, не нужно ль чего? На что получил хорошо знакомый в доме ответ: «Пшел вон!» И отправился по указанному адресу – досыпать на своей узкой лежанке.

Когда поутру Абросимов не вышел из своей комнаты, это тоже не было чем-то неестественным. Он давно уже объединил свою спальню с кабинетом и библиотекой. Поэтому, хандря, мог долго читать или сидеть за рабочим столом. Погода в начале дня стояла тихая, безветренная. А после полудня поднялся ветер. И тогда дворник, прибиравшийся во дворе (но не сильно, этак слегка – чтоб не чрезмерно нагрешить в воскресенье), вдруг заметил, что одна створка окна в спальне настежь открылась. В погоду, еще прохладную, это было необычно. Тогда начали стучать в дверь, звать хозяина.

Но он не откликнулся. Лишь после этого решились выломать дверь – и увидели картину страшноватого вида. Из-за того, что тело барина выглядело столь неприглядно, а также из-за открытого окна заподозрили, что смерть могла быть насильственной, а не естественной (хотя, «Бывает ли смерть естественной?» – задался философским вопросом Горлис, услышав это). В целом никто из говоривших друг другу не противоречил, что свидетельствовало в пользу правдивости их показаний.

Выслушав всё, Горлис вернулся в спальню и внимательно оглядел ее. Никаких подозрительных деталей или обстоятельств не нашел. Разве что отметил крючки, закрепленные на стене над рабочим столом. Должно быть, для ключей или важных бумаг, кои на них можно наткнуть, дабы не забыть про что-нибудь. Забавная затея, можно будет и себе такое сделать... Выглянул во двор. Высоковато, но не так чтоб угрожающе. Решился на небольшой эксперимент. Вылез наружу и присполз вниз, держась за наличник с внешней стороны одними только руками. Потом оттолкнулся от стены ногами и прыгнул, пружиня всеми подразделениями тела, чтоб смягчить удар, чему учил его всё тот же Видок. Ничего, не страшно. Пятки, правда, немножко «забил», но не покалечился. И, пройдясь туда-сюда, вроде бы «разошелся».

Но тут мелькнуло предположение! Вновь сказал развести всех по разным комнатам. И у каждого отдельно выпросил, не заметили ли они – может, у кого-то из домочадцев с утра

походка оказалась непривычной? Увы, ответ у всех был отрицательным... Тогда еще напоследок уточнил, когда празднично ужинали, не было ли у еды какого-то непривычного привкуса? (Уж больно крепко все спали, может, снотворное кто подсыпал?) И тут – ничего интересного в ответ: обычная еда, хорошая, всё вкусно – местная стряпуха готовить умеет. Также велел взять на анализ таблетки, хранившиеся у «медицинского лакея». И сказал Дрымову, чтобы тот обратился с просьбой к врачам городской больницы – дабы осмотрели и если нужно, то хирургически вскрыли тело на предмет отравления.

Поспрашивал также, где в доме хранятся высокие лестницы и прочные веревки. Ему показали одну из хозяйственных пристроек с навесным замком. Ключи от него – у помощника дворецкого. Тот побожился, что дня три не открывал. Похоже, не врет – замок был слегка запыленным.

Вот и всё... Натан попрощался с Афанасием, сказав, что зайдет завтра, а пока-де ему нужно хорошо раздумать по сему делу. Хотя и без того чутье, опыт и вид покойного подсказывали, что Абросимов был убит. Но кому и зачем понадобился такой бессмысленный поступок – порешить тяжелобольного человека, наследники которого живут далеко, а завещание известно лишь самому узкому кругу людей (в честности двух подписывавших его свидетелей Горлис не сомневался, как и в себе самом)?

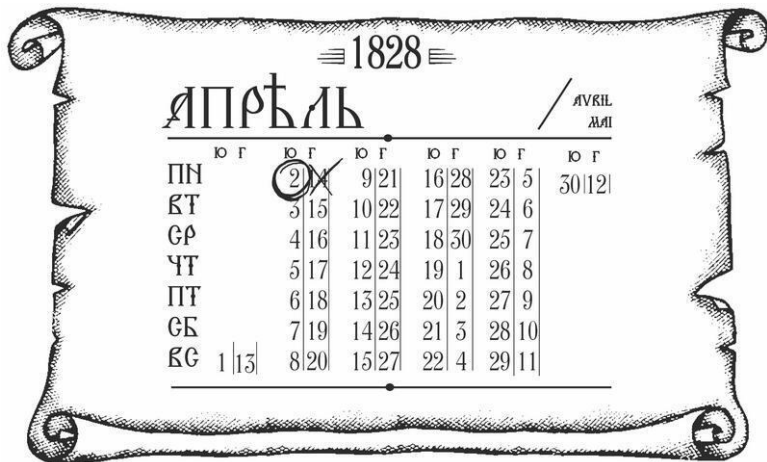
Когда вернулся домой, уже стемнело. Фина на представ-

лении, а он уж второй день кряду к ней на спектакль не попадает. Сел за рабочий стол, записав на отдельные листки все имевшиеся сведения. Попробовал раскладывать их пасьянсами. Но не больно получалось.

Почитал на ночь дневники Гердера³⁰. Книга, давным-давно купленная в Риге да странным образом до сих пор обойденная вниманием. И лег спать, не дожидаясь Фины. Утро вечера мудренее, как говорят русские. А умствования всякого народа ценны и неповторимы, как считал Гердер.

³⁰ *Иоганн Готфрид Гердер* (1744–1803) – великий немецкий мыслитель, богослов, историософ, историк культуры, один из зачинателей славистики. Автор монументального труда «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791).

Глава 5

Проснулся рано, разнеженный, в теплых объятиях Фины. Тихонечко встал, оделся и прошел в свой кабинет, прикрыв дверь. Выспался, голова свежая, хорошее утреннее настроение. Вот теперь, пожалуй, можно заняться делом.

Натан начал перебирать пометки после похода в дом на Итальянской улице. Рассортировал их, сложил в логическом порядке. И вдруг остановился. А правильно ли он делает, рассматривая эту историю в отрыве от всего остального? За два дня случилось столь много непонятного и заслуживающего внимания. Нужно всё вместе обдумать.

Итак – первое. Его вызвал генерал-губернатор Воронцов и дал поручение заняться ревизией своей огромной библиотеки, полностью освободив от написания еженедельных записок, освещающих текущую политику на основе пресс-сообщений. При том – ему запрещено писать такие же доклады для Австрийского и Французского консульств в Одессе. Что бы это могло значить?

Экий сразу серьезный глобальный вопрос себе выдвинул!.. Натан встал, походил по комнате и с размаху сел в кресло, пораженный озарившей его догадкой. Это может означать только одно: видимо, совсем скоро, счет идет уже на недели, Россия объявит войну Турции. Говорят об этом давно, многие и ждать перестали. Но теперь, видать, время наступило, и это сразу всё объясняет. Понятно, почему Горлису отменена аналитическая работа для воронцовской канцелярии. Для русских, собирающихся начать войну, такая аналитика теряет всякий смысл: пушки – главный довод императоров. Ясно и почему велено отказывать в подобной работе для иностранных консульств. Подобные доклады, да еще с учетом настроений, царящих в главном прифронтовом городе, превращаются в некое подобие шпионажа. По сути, в настоящий шпионаж, только легитимированный дипломатическою службой. И ежели Россия таки объявит войну Турции, то подобные доклады имели бы не равноценное значение для Франции и Австрии. Французы участвовали в Наваринском разгроме турецко-египетского флота и более того

– высадили свои войска в Греции для помощи восставшим. К тому ж Франция далеко... Совсем другое дело – Австрия. Она рядом!

Так, где тут карта? Натан полез в книжный шкаф за атласом. И раскрыл его на развороте, изображающем юго-восточную Европу, места, где он сейчас находится. Вперился в карту. Да, при начале войны русская армия сразу же захватит румынские княжества – Валахию и остатки Молдовы. Но Вена, насколько успел заметить Горлис при подготовке еженедельных отчетов, очень недовольна российской активностью на Балканах. Кто знает, она может и в тыл ударить, что сделает положение русской армии очень сложным. Так что основной мишенью воспреещения, наложенного Воронцовым, является Австрийское консульство. А Франция попала под запрет за компанию, «для симметрии». («Симметрично» – вообще любимый термин русских дипломатов, особенно в тех случаях, когда они делают что-то явно непропорциональное.) Кстати, по завершении размышлений нужно будет первым делом отправиться в консульства – попрощаться, ну и забрать гонорар за прошедшую неделю.

К каким еще последствиям приведет начало военных действий? Судоходное сообщение Черным морем ухудшится, что осложнит прибытие товаров и почты морским путем. Ха! Война же объясняет и недавнее обустройство сухопутной экспресс-почты Броды – Петербург. Во время брани для сообщения с Веной и соседними с нею германскими госу-

дарствами сия быстрая почта станет чрезвычайно важною.

А вот у линии Одесса – Петербург функция предполагается еще более ответственная. Будут открыты два фронта разом. Две империи, Всероссийская и Османская, вновь войдут в контакт на северных Балканах и южном Кавказе. Причем первый фронт – более важный, решающий. Потому что от Измаила до Стамбула не так далеко, как от Кутаиса. И Балканские горы не выглядят непроходимыми... Всё это вместе означает, что Одесса станет крупнейшим прифронтовым городом. Посему и нужно наискорейшее сообщение отсюда до столицы!

Еще какая-то мыслишка роилась в голове, всё не собравшись во что-то цельное. Вот, вспомнил! Это слухи о том, что император с семьей собирается на отдых в Одессу. Слова про отдых, конечно же, лишь прикрытие. На самом деле он придет сюда руководить военными действиями.

Натан возбужденно ходил по комнате. Хотелось одновременно кричать, петь и танцевать – от гордости за свою проныцательность. Одно обидно – никто не знает о его триумфе. И ведь никому не расскажешь. Если окажется правдой, русские жандармы крепко займутся – этак и на каторгу угодить можно. Кстати, кто тут у них в Одессе главный? Кажется, штаб-офицер Третьего отделения по южным губерниям Лабазнов-Шервуд. Да, ну и у ловца шпионов Достанича теперь работы побольше будет, оттого он и стал ходить на «столование», чтобы больше быть в курсе городских сплетен.

Как всё складно выходит! И ведь Кочубею не расскажешь, хотя хотелось бы... Ну что, Степан, утёрся? Можешь играть в молчанку дальше, сколько духу хватит. А Натан Горлис и без тебя, одною силой острого ума дознался, что происходит!.. (Но удивительное дело – обращая мысленно к Степану, Натан почему-то представлял лицо его Надежды и ее последний растревоженный взгляд. Нет, всё – забыли. Нужно дальше о деле думать.)

Ввиду предстоящей скорой войны появление Степана Кочубея, отпрыска авторитетной в здешних краях казацкой семьи, в доме генерал-губернатора не выглядело уже так загадочно. Вопросом оставался только конкретный повод, по какому к нему обратились. Казачьи мятежи давно подавлены с показательною жестокостью. Военные поселения худо-бедно, но свои задачи решают. Полки из бывших казаков строятся по единым унифицированным правилам. Что ж такое важное может быть, что Кочубея позвали к Воронцову да вели с ним разговоры в потайной комнате?

Натан запустил обе пятерни в свои кудри да потряс их, будто этим можно усилить или ускорить работу мозга. Думай! Думай! Думай! Кого он заметил в той комнате – Василия Туманского из дипломатического департамента канцелярии. Но в комнате, откуда выглянул Степан, еще были люди. Вероятно – из военного ведомства. Возможно – из хозяйственных, мобилизационных служб, инвалидских рот... А может, Степана и не одного, а с его отцом Андреем, хотят

взять в поход? Они давно в здешних краях, знают многое о природе, обычаях, на местных языках разговаривают. Да – такое предположение выглядит весьма логичным...

Идем далее. Что еще было из странностей на неделе?

Просьба де Шардоне помочь с поиском цыганки, угрожавшей ему. Странное обращение – и почему только сейчас? Надо было искать тогда сразу же, по горячим следам, а что уж теперь, спустя месяцы. Возможно, конечно, что Люсьену поступили некие новые угрозы, но он просто не хочет о них говорить по какой-то причине. И в связи с этим появляется интересный вопрос: а что известно в Одессе о самом Люсьене де Шардоне? Он говорит, что якобы ученик великого Леонарда, причем с малолетства. И старожилы действительно вспоминают некоего светлокудрого мальчишку при Мастере. Но Трините утверждает, что сие ложь, вроде как тот мальчик умер в чумной год, а значит, Люсьен – самозванец... Хотя, в любом случае – большой талант, тут Трините, конечно, не прав, обзывая его бездарностью. (Что поде-лаешь, зависть.)

Может, поговорить с Трините об этой истории?.. Нет, пожалуй, бессмысленно – всё, что знал и хотел, он уже рассказал, причем всем. Тогда нужно еще поговорить с самим Люсьеном, если хочет нечто узнать, то пускай и сам скажет хоть немного больше. Но даже если Шардоне что-то еще изречет, то какие у Горлиса есть возможности для поиска цыганки? Теперь, после ссоры со Степаном, почти никаких.

За одним исключением – и это сильная греческая община города, с которой у Натана оставались контакты (хотя он и был зол на нее из-за погрома, устроенного одесским евреям в 1821 году, в самом начале войны за независимость; к счастью, его удалось быстро остановить). Да, какие-то греки уехали воевать в Грецию, но многие остались, и в их руках – большие дела, как законные, так и незаконные, включая контрабанду. А учитывая разъездную жизнь цыган-лаеши, удобную для перепродажи, греки должны иметь с ними какие-то контакты. Вот только Спиро нету...

Да, некогда грозный предводитель преступного мира Одессы, с которым Горлис и Кочубей когда-то имели честь встречаться, отбыл на войну за освобождение Родины. И там вновь – один из самых отчаянных каперов, не дающих проходу флоту османов. Спиро уехал, но богатый купец Платон Ставраки, в молодости, говорят, воевавший под его началом, остался. С ним Горлис знаком получше. Вот у него и можно будет спросить о цыганке, досаждающей Шардоне. Только нужно будет подумать, как это сделать, чтобы не оказаться в слишком большом долгу. Ставраки хитер, с ним следует быть крайне осторожным.

Натан остановился в своих размышлениях и подумал, как далеко отстоят разные его части – одно от другого, другое от третьего, третье от первого... Трудно представить, что они могут быть связаны. Но кто знает...

Что ж, пора развернуться и к делу Абросимова. В пе-

рассказе прислуги миллионщика, всех восьми человек, произошедшее складывается ладно, без противоречий. Вряд ли можно сговориться так ловко.

Теперь обратимся к умершему, вероятно, убитому. Впрочем, нельзя исключать и версию, что негоциант умер сам. О том, что он болеет, знали все, но чем и как – немногие. У Никанора Никифоровича были больные легкие. Он лечился у разных врачей – в Одессе, Москве, Петербурге. Также периодически ездил к некой древней старушке-целительнице, кажется, цыганке, обитающей под Кишиневом. Когда ж она умерла, Абросимов, не застав ее, долго не думая, махнул через Черновицкий уезд Австрии к европейским светилам – в Вену, Мюнхен, Цюрих. Все врачи, у которых он наблюдался, сказали примерно одно – что совсем вылечить не смогут, но могут, насколько возможно, продлить его дни в сём мире. С такими словами и с лекарствами он вернулся в Одессу и начал приводить в порядок свои земные дела. Распродал всю собственность, кроме дома на Итальянской, а сложившуюся в итоге сумму – очень крупный капитал в полтора миллиона! – положил в Государственный Коммерческий Банк Российской империи, отделение которого как раз недавно открылось в Одессе. Далее просто жил с капитала, стараясь вести здоровый образ жизни, то есть хорошо укутывать грудь в холодное время года. И обязательно выезжать в цветущую степь в конце весны да к морскому прибою летом. Ну и принимал пилюли разные.

Итак, мог ли Абросимов посреди ночи заняться какими-то своими делами, для чего закрыл дверь на ключ? Мог. А что-то уронить, произведя шум, и потом крикнуть лакею обычное «Пшел вон»? Конечно. Также могло потом наступить резкое ухудшение состояния, из-за чего Никанор Никифорович открыл окно в надежде, что от свежего воздуха станет лучше. Да не стало – так и скончался... Такая цепочка событий не выглядит невозможной. Но... больно уж странным глядится столь неожиданное и стремительное ухудшение здоровья.

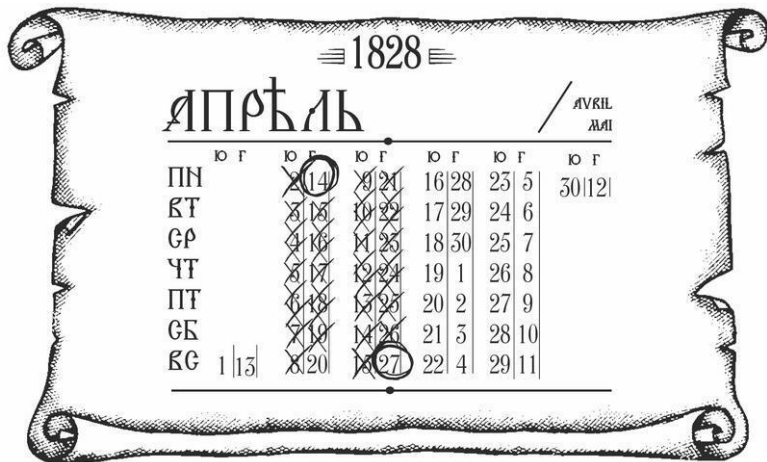
Более вероятным кажется всё ж иное. В спальню к Абросимову пробрался злоумышленник. Купец – человек, несмотря на болезнь, всё же довольно сильный, при удушении его подушкой оказал сопротивление, отчего возник шум. Лакей проснулся и постучался. Тогда злоумышленник, удачно симитировав голос, крикнул: «Пшел вон!» Когда же слуга удалился и вновь заснул, выпрыгнул в окно – и был таков. Если ж всё было так, то преступник, судя по ругательной фразе, хорошо знал покойного, его голос, интонацию, повадки. И значит, это не случайный человек, не просто оконный воришка. Тогда другой вопрос: откуда сей гипотетический преступник – из домашних ли слуг или из иных людей? Прислуга у Абросимова трусовата, тяжело поверить, что убийца – из нее.

Все восьмеро говорят, что никого постороннего на праздновании юбилея свадьбы не было. Поверим им (ежели б кто-

то был, его бы с радостью сдали). Вот во время празднования все восьмеро собрались на кухне, да еще, пожалуй, и дверь закрыли, чтобы звуки до хозяина не доносились. И тогда хоть через черный ход, хоть через центральный, кто-то мог пробраться да где-то спрятаться, пока все уснут.

Но нельзя совсем уж отбрасывать и версию, что злоумышленник – кто-то из домашних. Любой из прислуги, кроме женщин. Кухарка, горничная, уборщица, как успел заметить из разговора с ними Натан, имеют довольно высокие голоса. Вряд ли бы им удалось так удачно симитировать низкий сиплый возглас Абросимова.

Глава 6

И далее неделя, начавшаяся 2 апреля, оказалась безумной, как женитьба Фигаро. Более всего сие относится к традиционно тяжелому дню – понедельнику.

Натан пошел прежде всего к Дрымову, чтобы поделиться с ним своими рассуждениями по поводу смерти Абросимова. Конечно, лучше бы обсудить всё с Кочубеем, как раньше это делал. Но что уж, раз так сложилось... Афанасий нашел размышления господина Горлижа весьма дельными, со своей же стороны новостей пока не имел. Врачи и медики только приступили к рассмотрению просьб по исследованию

тела Абросимова. Напоследок частный пристав рассказал об участвовавших в Одессе случаях воровства посредством проникновения в жилища через окна. И это не обязательно касается истории с Абросимовым, однако же на размышления наводит.

Потом Натан отправился на почту и согласно установленным правилам отправил заказные письма шести наследникам – одному в Москву, одной в Петербург, двоим – в Смоленскую губернию (ясное дело, в Вязьму, родовой город Абросимовых и Вязьмитеновых). И еще по одному извещению в юго-восточные губернии – Кавказскую и Астраханскую. В письмах извещалось, что оглашение завещания состоится в Одессе 14 мая, то бишь, как завещал Н. Н. Абросимов, в первый же рабочий день по прошествии шести недель после его кончины. Состоится сие событие на Итальянской улице Одессы в доме означенного завещателя, ныне покойного («о местонахождении можно справиться в Городской почте, что на углу Екатерининской и Почтовой»). От себя Горлис, будучи душеприказчиком, добавлял, что если у кого имеются другие варианты завещаний, то весьма желательно огласить их там же тогда же. Что упростит дело. В противном случае иные завещания, ежели таковые найдутся, будут приниматься только через судебные тяжбы. В каждый конверт вкладывался именной вексель, в котором содержалась сумма необходимая для проезда (вместе с ночевкой и питанием) из мест получения письма.

Имелось также уточнение, что если кто по каким причинам приехать не сможет, то его часть завещания будет ждать в любом отделении Государственного Коммерческого Банка, которое наследник назовет в ответном письме, заверенном начальником почты. Последнее было особенно актуально для адресатов, проживающих в более диких и труднодоступных местах, селениях Астраханской губернии и Кавказской области (спасибо служащему почты, поправил – она уже не губерния, а именно область).

Понятно же, что выделенный срок в шесть недель – был довольно сложным для того, чтоб его выполнить и прибыть в Одессу. Пока письмо найдет адресата, не всегда живущего в губернском центре, пока тот уладит дела да соберется в дорогу, пока доедет... Но деньги на проезд всё равно выделялись всем, безо всяких условий. Поэтому рачительным и не слишком сентиментальным адресатам, притом доверяющим институту душеприказничества, разумней было никуда не ехать, сэкономивши для себя еще и суммы, предоставленные им на дорогу.

Отдельное и совсем уж печальное письмо отправлено было в Москву чиновнику по особым поручениям, ранее работавшему в Одессе, Евгению Вязьмитенову, и супруге его Анастасии, в девичестве Абросимовой (Натан хорошо знал их по «делу дворянина из Рыбных лавок»). Они уважительно извещались о том, что их близкий родственник, не имея противу них зла, тем не менее в наследство им ничего не

оставил.

Да! И еще одна важнейшая деталь, уж не знаю, можно ли ее раскрывать – всё же завещание штука секретная, до оглашения – не для посторонних ушей и глаз... Да ладно уж – вы ведь никому не скажете? Одним словом, среди получателей наследства была и девица Серафима Фальяцци. При этом Горлис, по настоянию Никанора Никифоровича, подробностей ей не раскрывал. И до 14 мая, можете быть уверены, не скажет. Лишь дома положит на туалетный столик в ее будуаре запечатанный конверт со стандартным, как у всех, приглашением на оглашение завещания. Когда ж она, прочитав сие, спросит комментариев, Натан с мягкой улыбкой откажется отвечать. Нужно сказать, что Фина на это не обидится, а лишь подумает, что Абросимов правильно выбрал душеприказчика, и станет относиться к любимому с еще большим уважением.

* * *

Не преминул наш герой зайти и в консульства, известить работодателей о прекращении сотрудничества. Давний знакомый Горлиса, французский консул Андре-Адольф Шалле, всё еще был в дальнем отъезде по служебным делам. А его помощник, начальник канцелярии Жан-Франсуа Сорон, относился к Натану и исполняемой им работе более чем прохладно, потому уход принял равнодушно.

Интересней оказалось в Австрийском консульстве. Самуил фон Том, узнав в чем дело, позвал начальника канцелярии Пауля Фогеля. И они с большим благожелательным интересом вместе выслушали господина Горлица (так, на немецкий манер, звали Натана в цесарском учреждении). Вот тут Горлису приходилось говорить аккуратно, взвешенно, дабы не стать причиною дипломатического скандала или не вызвать жандармских подозрений в разглашении секретной информации. Но и фон Том не первое десятилетие занимал свою должность, потому в выражениях вполне корректных, но неумолимых подвел Натана к главному в сей ситуации:

– Да, крайне печально терять столько ценного и проверенного в деле работника. Думаю, и господин Фогель это подтвердит.

Старина Пауль прочувствованно кивнул головой, кроме служебных отношений его с Натаном связывала общая любовь к литературе, особенно немецкой.

– Хочется верить, что и вы уходите от нас не без грусти. Но, видимо, есть веские причины?

– Есть, – постарался быть кратким Горлис.

– Дело с доходным домом, должно быть, расширяете?

Горлис в ответ неопределенно пожал плечами. Не хотелось врать впрямую и совсем уж очевидно. Ему, имевшему в Австрии трех сестер и Карину, возможно, еще нужна будет помощь от фон Тома.

– Не совсем. Тут другое дело подоспело. Известный одесский negociant Никанор Абросимов умер. А я – душеприказчик.

– Слышал, слышал. Увы... Знавал его. Скорблю... Но ведь это разовая история. Насколько я знаю, института нотариусов в России еще не завели?

Да, австрийский консул так просто и чтобы без ответа, но и без ссоры, не отпустит. О чем же можно сказать в такой ситуации? Со вторника Горлис начнет работать с воронцовской библиотекой. И конечно же, в одесском высшем свете, в каковой издавна погружен фон Том, это не будет секретом. Так что если австриец узнает сию новость не завтра, а уже сегодня, большого ущерба внешняя политика Российской империи не понесет. Не говоря уж о том, что и начальник международного отдела Павел Марини со дня на день придет с официальным извещением насчет такого ценного работника, как Натаниэль Горли.

– Конечно же, вы правы, уважаемый фон Том. У меня появилась работа ответственная, долгая и близкая сердцу. Вы же знаете мою любовь к книгам. – На этих словах Натан учтиво кивнул начальнику канцелярии, старина Фогель ответил ему таким же кивком. – А его сиятельство граф Воронцов предложил мне – в общественных интересах – провести полнейшую ревизию и опись его богатой библиотеки.

– Что вы говорите! Значит, сам генерал-губернатор лично занялся обустройством вашей службы, отвадив от нашего

консульства. О да, это весьма интересно!.. Я хотел сказать – очень интересная работа для увлеченного книгами человека.

Фон Том чрезвычайно оживился. Чувствовалось, что это он еще сдерживает свое возбуждение. Горлис был уверен, что сразу же после его ухода консул сядет за письмо в Вену, в каковом изложит россыпь фактов, сумма которых засвидетельствует скорое начало войны. И запрет на работу в австрийском консульстве, наложенный на скромного чиновника, будет в этом докладе ключевым аргументом.

Но видит бог, не Горлис в этом виноват. Не исключено, что Воронцовым все именно так и планировалось.

* * *

Однако во вторник, придя к генерал-губернатору, спрашивать об этом Натан не стал. Воронцов рассказал о темпах семейного переезда из дома Фундуклея во Дворец на Бульваре. Принцип был такой, что все книги пока остаются на Херсонской улице. Паковаться же и перевозиться они будут по мере того, как Натан их обработает, то есть учтет, классифицирует и внесет в общий список. Воронцов и Горлис вместе разработали систему кодирования и шифрования книг и ящиков, в кои те будут упакованы. Натан еще раз убедился в крепкой деловой административной хватке Воронцова. И, как ему показалось, начальника в ходе рабочего обсуждения он тоже не разочаровал.

Внимание Горлиса привлекла книжица «Собрание стихотворений для чтения в солдатских школах отдельного Российского корпуса во Франции», имевшаяся в полудюжине экземпляров. Увидев, что открывается она стихотворением Ломоносова, гость изъявил желание выкупить одну. Такое предложение оказалось лестным для Михаила Семеновича, из чего стало понятно, что он принимал личное участие в составлении сборника.

– Оставьте. Я могу подарить. Это для вас? – В том, как ставился вопрос, ощущался элемент тревожного творческого самолюбия, чувства, которому подвластны даже такие суховатые высокопоставленные люди, как генерал-губернатор.

– У меня уж есть подобная антология. Сие ж хотел подарить доброму знакомому, частному приставу I части города Афанасию Дрымову.

– Экая в Одессе полиция поэтическая, – усмехнулся Воронцов и не отказал в просьбе подписать подарок: «Верному Афанасию Сосипатровичу».

Всю среду, четверг и пятницу Натану пришлось преизрядно потрудиться с библиотекой, чтоб получить представление об объеме работы, ее особенностях. Да и просто показать свое рвение начальству, что никогда лишним не бывает.

* * *

В пятницу вечером и в субботу утром пришло вдохнове-

ние сотворить изрядно подзабытую шаббатную молитву. И в ней Горлис, к сему времени настроенный на книжный лад, вдруг ощутил себя героем некой повести – испанским евреем, прячущимся от инквизиции. Нет, ну понятно, что его обстоятельства совсем иные, нежели кастильские. Но всё же прозрачная аналогия имелаась. Также, подобно тайным испанским иудеям, ему приходилось грешить регулярной субботней работой. Оставалось только верить, что наставнический труд – не такой уж большой грех.

Как вы уж знаете, в педагогическом качестве у Горлиса появилось еще одно имя – Натаниэль Николаевич. Ему в принципе не нравилась русская традиция отчеств, он отбивался от сего, как мог. Однако Орлай настоял, что правила и требования в учебном заведении должны быть едины для всех. Тогда Натан и утвердил своим отчеством Николаевич, что также было непростым решением. Горлиса не оставляло ощущение, что, назвавшись так, он в чем-то предает покойного отца Наума, точнее сказать – Нахума. Но такова уж тяжкая ноша его народа. Ведь даже в Европе, просвещенной терпимой посленаполеоновской Европе, Натан, сын Наума, Натан Наумович, звучит куда более сомнительно, чем Натаниэль, сын Николя. А что уж говорить о менее терпимой и цивилизованной России.

В связи с уроками в Ришельевском лицее Горлис более всего контактировал с директором Орлаем, преподавшем математику, латинский и немецкий языки. Но много общал-

ся и с Никосом Брамжогло, который вел Закон Божий, древнегреческий и французский. Именно Орлай открыл в Одессе Никоса Никандровича (правду сказать – Никандроса Никандросовича, но решено было пожалеть учеников в смысле выговаривания такого имени-отчества и сохранить больше их сил для занятий древнегреческим). Орлай пригласил Брамжогло к себе на работу, чем чрезвычайно гордился. Никос Никандрович имел энциклопедические познания в языках и библейских сюжетах, к тому ж обладал редкостным даром излагать это так, дабы и остальных увлечь за собою. На сём ярком примере Иван Семенович доказывал коллегам и начальству, сколь мудрым было решение российского правительства предоставить преподавание Закона Божьего гражданским лицам, а не священникам.

Брамжогло имел греческое происхождение (хорошо выраженное внешне) и с ужесточением военных действий в родной Греции перебрался в Россию, где мог и далее посвящать себя ученым занятиям. Он был неизменно доброжелателен и приветлив. Вот и сейчас любезно поздравил Горлиса с началом интереснейшей работы в библиотеке и с библиотекой. А также намекнул, что ежели будет нужна какая помощь, консультация, то всегда готов. Что тут скажешь – весьма похвальные единство и взаимовыручка книжных людей.

А в Девичьем училище французскому и немецкому обучала Любовь Виссарионовна, вдова видного российского естествоиспытателя Ранцова. Чрезвычайно милая, она в слу-

чае надобности умела явить строгость в преподавании. Главной ее любовью и гордостью был сын Викентий Ранцов. Вика, Викаша, Виконт, Викочка, Вики – любое из этих имен подходило для его описания, а еще лучше – два сразу. Виконт Викочка заканчивал первый год обучений в Императорском Харьковском университете – на отделении врачебных и медицинских наук. И как хвасталась мама, уже заслужил быть отмеченным и получал похвалы от Адриана Блументалья³¹, профессора кафедры повивального искусства. Горлис радовался за мать и сына, чувствуя некоторую приобщенность к их успехам. В Лицее он тоже успел поработать с Виконтом Викочкой и также имел лучшие воспоминания о нем.

Но на сей раз визит в обитель знаний имел не только учебные цели. Дело в том, что Абросимов был одним из меценатов двух воспитательных заведений. Потому Горлис счел возможным пригласить людей безупречной репутации, притом российских подданных – Орлая и Ранцову, на роль свидетелей при заверении домашнего завещания Абросимова.

Любовь Виссарионовна, правда, выразила сомнение, а будет ли признано женское свидетельствование за полноценное. Но Горлис, как тайный прогрессист, отметил, что в за-

³¹ *Адриан Блументаль* (1804–1881) – выдающийся российский врач, писатель и переводчик, родом из Курляндской губернии. Учился в Гёттингенском и Дерптском университетах. В 24 года был утвержден экстраординарным профессором Харьковского университета. Через три года стал деканом отделения врачебных и медицинских наук. Позже был главным врачом Голицынской больницы и Воспитательного дома в Москве.

конах Российской империи пол свидетеля не указан. И если уж женщины могли править Россией едва ли не весь осьмнадцатый век, то уж как-то и завещанием купца Абросимова распорядиться смогут. Посему сейчас Орлай и Ранцова были предупреждены о сроке оглашения документа, коий они свидетельствовали, – 14 мая.

Отдохнуть получилось лишь в воскресенье – 8 апреля Натан отпраздновал с Финою свой день рождения – в ресторации Цезаря Отона. А где ж еще? Не в простенькую же греческую кофейню идти в такой праздник!

* * *

В суете и работах прошла еще неделя, та, что началась 9 апреля. Всё шло своим ходом. Натан много работал, разрываясь между обязанностями душеприказчика, воронцовской библиотекой и домашними делами.

Как-то вечером, когда уж стемнело, заехал Дрымов, рассказал о полученных итогах исследования тела покойного купца. Медики пришли к выводу: отравления не было. Что касается причин смерти – то она наступила от удушья. Однако было ли это результатом внешнего воздействия или же стало следствием внутренних причин, болезней – современная наука сказать не может. Что ж, и на том спасибо.

Натан в свою очередь подарил... точнее сказать, передал Афанасию подарок графа Воронцова. Тот, увидев «Собра-

ние стихотворений для чтения в солдатских школах», да еще с дарственной надписью Михал Семеныча, весьма растрогался. Порадовался и тому, что открывается всё ломоносовским «Преложением псалма 145». И тут же начал цитировать:

Благословен Господь мой Бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Согреть врагов взнесенный рог...

Слушая его, Горлис вновь подумал о том, что соскучился по Степану, с которым рассорился так неожиданно и сильно. Дрымов, конечно, неплохой человек, насколько сие возможно для человека, работающего в российской полиции. А уж после появления в России жандармерии так и вообще можно сказать «чрезвычайно славный малый». Но он никак не может заменить Кочубея в общении. Натан так привык зеркалить свои мысли, предположения и сомнения в приятеле, что отвыкать от этого было трудно. Но обида Горлиса оставалась столь крепкою, что он не мог представить первый шаг к замирению. Всё же Степан не прав, причем явно. Думая об этом, Натан опять начинал сильно злиться.

Но удивительное дело, чем больше он серчал на Кочубея, тем чаще и с большей неаккуратной нежностью ему вспоминалась *Надія, Надійка*. Как вся, так и частями, ее руки, стан, улыбка, губы, жемчуг зубок. Более всего – глаза, тот непо-

нятный и как бы всё вбирающий в себя взгляд, брошенный на прощанье. Такими воспоминаньями Горлис одновременно наказывал обоих: Степана – за предательство дружбы и себя самого – за то же самое (только поссорился с приятелем, а уж о горячо любимой им жене думает). Также мыслил о том, что крайнею в сём случае оставалась и вовсе безвинная Фина.

Вдруг, когда Афанасий дошел в ломоносовском стихотворении до строк:

И молнией твоей блесни,
Рази от стран гремящих стрелы,
Рассыпь врагов твоих пределы,
Как бурей, плены разжени...

– за стеной, совсем поблизости, раздались громкие крики: «Воры! Воры!» Дрымов бросил книжку на стол и, звякнув саблей, висевшей на поясе, выбежал во двор. Натан – следом.

Крики исходили от двух, изрядно выпивших унтер-офицеров. Увидев полицейского в зеленом мундире да с саблей, они опешили от такой оперативности (всего-то после двух кратких восклицаний), но честно всё рассказали. Им показалось, что в окна доходного дома Горлиса кто-то лезет, потому и начали орать. Но тут как раз тучи разошлись и стало довольно светло, потому что показалась растущая луна, занимающая уже почти половину диска. Окна горлисовского дома ярко отблескивали, показывая, что никаких оконных

воров нет. И куда девался недавний восторженный любитель поэзии? Дрымов, зло поиграв желваками, посоветовал «ундерам» поменьше пить. При этом было совершенно очевидно, что ежели бы перед ним были не представители другого силового ведомства, то без пары зуботычин, а то и поболее, не обошлось бы.

Вернувшись в дом, Дрымов всё же до конца исполнил свой долг. Так и не дочитав Ломоносова, он вместе с Горлисом постучал во все квартиры и комнаты, выходявшие на северную сторону, и дождался ответа от выглянувших жильцов: дескать, всё в порядке, грабителей в наличии нет. И только зайдя в гостиную Натана, чтоб забрать подаренный сборник, Афанасий сказал, уже более спокойным тоном:

– Ты ж еще не знаешь, Горлиж, чего я так взорвался. Оконные кражи, вправду, часты стали. Оттого народ и бдит чрезмерно да орет, когда не попадя.

– Да? А я думал, ты это только в связи со смертью Абро-симова рассказывал.

– Нет, не только. Сегодня как раз прислали по нашему ведомству записку-разъяснение из Петербурга – в ответ на мое представление. Я описал имеющиеся случаи, а мне привели примеры подобных злоумышлений в прошлые годы из других городов империи. И несколько, я бы сказал, образчиков возможных исполнителей подобных деяний.

– Так этак в разных городах бывает?

– Временами. Когда регулярно и одинаково. Наш случай,

говорят, более всего схож с работой некоего то ли Кирилла, то ли Кирюхи, то ли Криуха. По-разному его кличут. Пишут, года три об нем не слышать было, и вот нате!..

– Как любопытно. Кто б мог быть в Одессе сим Кирюхой Криухом?

– Сам об том думаю. Того и спохватился... Ну, я пошел. Честь имею!

Напоследок Дрымов мастерски щелкнул каблуками начищенных сапог. Вот что значит благотворное влияние супруги – офицерской дочери и вдовы Марии Арсеньевны!

* * *

Но на этом деловая часть дня для Горлиса не закончилась. К нему спустился де Шардоне и, несмотря на то, что Фина из театра еще не вернулась, настоял, чтобы они для разговора прошли из гостиной с дверьми во все стороны в более укромный Натанов кабинет.

Там Люсьен попросил дверь плотней захлопнуть и ставню оконную прикрыть. Разговор начался лишь после этого. Беседовали на французском.

– Господин Горли, так вы обдумали мое предложение? Вы же видите, я вас не беспокоил, оставляя время для размышлений.

– Да, господин де Шардоне. Благодарю. Вы отвели мне довольно времени. И несмотря на большую занятость, я теперь

готов к ответу.

– Ваши старания, конечно же, будут вознаграждены. Независимо от итогов! Я верю в вашу честность, – поспешил заметить Люсьен.

– В свою очередь, хочу сказать, что если не будет никаких итогов, то и принять гонорар, даже самый малый, мне будет неловко, – ответил Натан любезностью на любезность.

– Оу, ну не откажете же вы мне в удовольствии бесплатно сделать вам стрижку. Причем как раз в этом кабинете!

И оба искренне рассмеялись. Вот, милейший читатель, это как раз один из примеров стиля общения светлого человека Люсьена. Вроде бы ничего такого нет и остроты особой не прозвучало. Но нужно представлять, как это сказано – роскошь интонации, богатство мимики и жестов, сопровождаемые блеском глаз. К тому же надо знать сопутствующие обстоятельства – как Натан не любит стричься (Фина часто чуть ли не за руку водит его в куафёрскую), а также то, что работа *Grandmâitre* на дому – вдвое дороже... И это ведь тоже показатель тонкой шутки, когда на ее пояснение приходится тратить слов намного больше, нежели было сказано.

Атмосфера общения разрядилась и стала непринужденной.

– Дорогой Люсьен, если позволите звать вас так.

– Да, Натаниэль, конечно.

– Не будем делать лишних па. Говорю как есть. Ваша просьба слишком абстрактна. Найти некую цыганку – и бо-

лее никакой информации... Так чудесно совпало, что как раз в тот миг я был в *Académie de coiffure*. Но и я, с моей любовью к рисунку и навыком быстрого схватывания черт, совершенно не запомнил той женщины. Просто какой-то туман перед глазами – и всё. Говорят, цыгане обладают навыками суггестивного воздействия.

– Обладают, – ответил Люсьен столь же прямо и однозначно. – Я готов дать вам чуть больше знаний. Правда, пока мне удалось узнать не так уж много.

Натан взялся за бумагу и карандаш *Koh-i-Noor* (прощальный подарок Австрийского консульства), показав готовность записывать услышанное. Люсьен же продолжил:

– Я знаю ее имя. Тера!

– Терра? – переспросил Горлис, привыкший к латыни.

– Нет с одним «р».

– Уже что-то, – отметил Натан. – Итак, *Tera Incognita* известна, осталась набросать ее контуры. Можем ли мы попробовать вместе изобразить портрет этой Теры?

– Если позволите, я сам, – сказал Люсьен.

Он взял протянутые карандаш, лист бумаги и с той же божественной легкостью, с какой орудует ножницами, нарисовал портрет цыганки.

Видит бог, Натан не был завистлив, но сейчас глядя на быстрые талантливые руки Люсьена испытал укол... нет, даже не зависти, а скорее ревности. Однако, взглядевшись в работу куафёра, он пришел к выводу о преждевременности

первого впечатления. Муза криминального портретирования, благодаря которой начальник парижской полиции *Sûreté* Эжен Видок согласился иметь дело с Натаном, ему не изменила. Рисунок цыганки, романтический, байронического типа, был хорош, но скорее как артефакт – из него вышла бы прекрасная иллюстрация к пушкинской поэме. А как изображение, способное помочь в розыске конкретного человека, не годился. Однако же мог быть основой, заготовкой, из которой предстояло сделать нужный портрет.

Горлис внимательно всмотрелся в рисунок, мысленно дорисовывая более подробные черты цыганки Теры. Он взял стопку листов и начал набрасывать другие варианты портретов, каждый раз прося Люсьена вносить нужные изменения. И тот делал это с творческим азартом. У них возникло удивительное эмоциональное взаимопонимание, когда достаточно кратких возгласов «м-м», «но-о», «и-и», чтобы понять направление мысли собеседника. На пятом-шестом-седьмом варианте нужный портрет был нарисован. Под дружеским, но критическим взглядом Люсьена Натан повторил его в еще двух аутентичных экземплярах.

После чего они продолжили обсуждение. Впрочем, сказать Люсьену оставалось немного. Тера – не крепостная артистка помещичьего хора, приехавшего в Одессу для чьего-то увеселения. Нет, она, как и предполагал изначально Горлис, из кочующих цыган-лаеши, чей господин и хозяин – один из бессарабских магнатов.

Когда Люсьен де Шардоне ушел, Натан подумал о том, как всё же сильно обаяние этого человека. Он словно магнитом тянет к себе. И вдруг появилась мысль, которой Горлис испугался и какую постарался прогнать поскорее: как больно, как страшно будет, ежели исполнится кровавое пророчество цыганки...

Но нет, нет – быть сего не может. Люсьен так популярен в Одессе, что на него никто покуситься не посмеет!

* * *

Тут в дверь вновь постучали, довольно решительно. Представилось, хорошо было бы, кабы это явился сам Степан. Ну... или его *Надія*, скажем – пришедшая звать на примирение. Горлис открыл дверь. За нею была не Надежда и не Fiна (рано еще, спектакль не закончился), а жилица Ивета.

– Господин Горли, можно к вам на минутку?

– Конечно, всегда можно.

– А позвольте мне звать вас Натаниэлем?

– Ну-у-у... – произнес Горлис, невольно посмотрев на часы, что ж, Fiна еще не скоро вернется; она б, услыхав такие слова, в сущности невинные, пожалуй, вспылила бы.

– Ведь разница в возрасте между нами не так уж велика.

– Да, Ивета, пожалуйста! Меня многие так зовут.

– Так вот, скажите, Натаниэль, можно ли меня любить?

Вот так вопрос.

– Милая Ивета, что вы такое говорите. Да вас нельзя не любить, едва только взглянув на вас, – ответил Натан и вновь произвольно поглядел на часы.

– Спасибо вам. А то я уж начинала сомневаться. Хотя... Вот ведь и вы, разговаривая со мной, тоже на часы всё время смотрите.

– Ну что за выдумки, Ивета! Поймите, ваша красота ярка, как солнце, тут я просто вынужден иногда отводить взор в сторону, чтоб не ослепнуть.

– Ах, Натаниэль, – золотисто, в цвет своих волос, рассмеялась гостья, быстро поцеловала его в щеку и была такова.

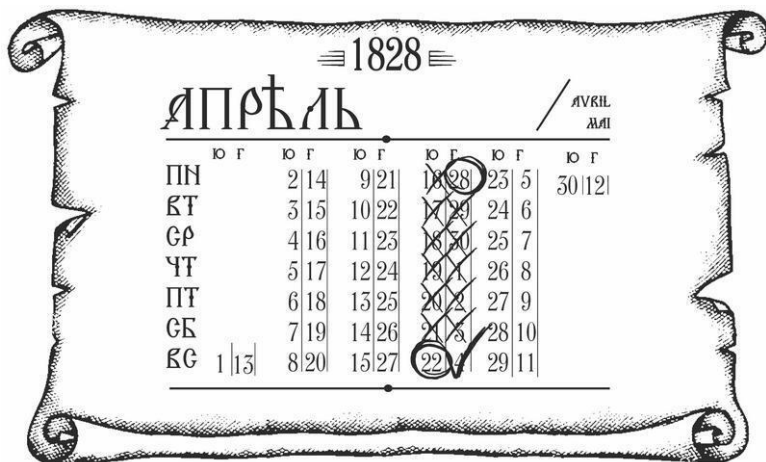
Натан же так и застыл с глупой улыбкою на лице. Что за удивительная девочка, девушка. Сколько непосредственности и чистоты. Как она похожа, похожа на... на... Да! На Люсьена де Шардоне. Тот, правда, Горлиса в щеку не чмокал, но сейчас Натан вдруг понял, что Ивета и Люсьен сходны, как брат с сестрою. И чувство радости от общения с ними – тоже примерно одинаковое.

А потом пришла Fiна, оживленная, как всегда бывает после спектакля. И Натан был рад ее приходу и ее рассказам, тем более что сам до театра всё никак не доберется.

На следующий день Горлис отправил слугу к Платону Ставраки с письмом, в котором содержалась просьба помочь с поиском цыганки Теры (плюс два приложенных портрета оной). Также предлагалось глубокоуважаемому господину Ставраки назвать любое удобное ему время для более по-

дробного разговора.

Глава 7

Всё в тех же заботах прошла и неделя, начавшаяся 16 апреля. Во-первых, текущий надзор за доходным домом. Во-вторых, библиотека. В-третьих, ведение дел покойного Абросимова. Ведь до 14 мая Горлис отвечал за сохранность его имущество, в том числе за порядок в двухэтажном доме на Итальянской улице, за то, чтобы он был в хорошем состоянии ко времени вступления в права наследника (или наследницы). К тому же требовалось оформление довольно большого количества документов. А тут получалась такая закавыка, что Одесса, будучи центром генерал-губерна-

торства, управляющего всеми южными областями, сама при этом являлась частью Херсонской губернии. Так что некоторые бумаги по завещанию нужно было выправить в Херсоне. То есть получалось, что без поездки в сей город с тем, чтобы сделать там некие новые документы да зарегистрировать имеющиеся, не обойтись.

Натан начал рассматривать сроки поездки. Теперь он был в прямом подчинении самого Воронцова, потому согласовать право на деловой вояж предстояло с ним. Горлис прямо, без утайки, сказал, что, имея в городе хорошую репутацию (чего уж скромничать), заслужил доверие видного одесского негодцианта, дворянина Никанора Абросимова. После чего стал его душеприказчиком. Однако, как знает его сиятельство, в ночь на 1 апреля сей достойный человек скончался. Задача Горлиса – 14 мая огласить оставленное завещание, для чего в Одессу вызваны все родственники. Но для этого также нужно поехать в Херсон для работы с документацией в губернской канцелярии. Если Михаил Семенович соблаговолит дать разрешение, то Натан может еще отвести туда какие-нибудь бумаги из генерал-губернаторской канцелярии, а также привести, ежели есть потребность, что-то оттуда.

Воронцов одобрительно кивнул головой, из чего Натан заключил, что выбрал правильную аргументацию. Но первый же вопрос графа оказался несколько неожиданным:

– Натаниэль, а знаете ли вы о пароходе «Одесса», построенном российскими мастерами в Петербурге и Николаеве?

– Слыхал – от коллег.

– Это первый в истории русский пароход на Черном море. Я, правда, предлагал купить в Англии, там дешевле и надежней. Но меня убедили, что следует поддержать отечественного производителя, к тому ж так будет лучше для русской промоции. Посмотрим... Сегодня у нас что? Среда... Пароход должен был прибыть в Одессу вчера, но что-то задерживается... Помните ли вы, что у нас ожидается в воскресенье?

– Разумеется. Открытие памятника герцогу дю Плесси де Ришелье.

– Так вот. Завершающей частью церемонии открытия решено сделать отплытие сего исторического парохода в губернский Херсон.

– Благодарю, Михаил Семенович. Счастлив буду совершить сей памятный рейс, который – уверен – войдет в анналы. К тому же так ведь быстрее, чем на лошадях!

Воронцов кивнул головой. Но его следующая фраза прозвучала несколько загадочно:

– Да, я знал, что вы не откажете. Вы всё же смелый человек...

Вдруг Натан догадался: видимо, Воронцов побаивается морских путешествий. Но как человек, более чем самодостаточный, не стесняется в этом признаться. Что ж, похвально, тем более что свои маленькие слабости есть у каждой выдающейся личности.

– Тогда я выписываю вам предписание на имя шхипе-

ра «Одессы» Галюфи. Но у меня есть еще одна небольшая просьба. По возвращении из Херсона будьте любезны написать мне подробный отчет о сём путешествии, прежде всего – о действиях капитана-итальянца и команды. Для истории – будете моим Геродотом.

– Конечно, с удовольствием! – ответил Натан.

Он вспомним свой замечательно долгий рейс из Мемеля в Гавр с заходом во все порты Северной Балтики. Эх, жаль, что сейчас плавание ожидается столь коротким...

* * *

В этот же день на радостях и в предвкушении исторического рейса Натан пошел в Оперу. Господи, как же он соскучился по Театру! И по Фине – не только в домашних, «земных» условиях, но и на сцене, где она божественна.

В театре в антракте углядел с надеждой Степана. Или, если угодно, увидел Степана с Надеждою. С непривычки, панская одёжа на Кочубее выглядела несколько мешковато, но, в целом, неплохо. Степан же его не видел или делал вид, что не видит. А вот его *Надійка* смотрелась прекрасно. Когда эта пара пропала из вида, Натану вдруг представился образ Надежды. Ее большие глаза цвета каштана, тёмно-русые слегка волнистые волосы, немного скуластое лицо, подбородок с милой бороздкой посередине. Щеки, на которых при улыбке иногда появляются сразу по две ямки... (Нет, нет, прочь эти

воспоминания!)

Увидел также Платона Ставраки. И с ним поговорил. Несмотря на все сопротивления, взял ему бокал бордо, тем самым показывая, что чувствует себя должником. Грек был, как обычно, многословно и опасно любезен.

– Вы так внимательны ко мне, господин Горлис. – В устах Ставраки Натанова фамилия звучала совсем греческой, ну, или почти греческой, этакий слегка обрезанный Горлидис или Горлакис.

Из прежних общений с греком Натан знал, что удобней всего быть на одной с ним волне:

– Оставьте, господин Ставраки. Право же, это я в долгу перед вами.

А вот здесь собеседник смолчал и сделал долгую паузу, как бы подтверждая: да, всё именно так – Горлис в долгу перед греком, причем гораздо больше, чем бокал вина.

Сделав несколько глотков «французской кислятины», грек наконец продолжил:

– Я уже попросил моих добрых знакомых поискать названную женщину. И отдал им рисованные портреты. Но на всякий случай хотел еще раз уточнить: речь идет только о том, чтобы узнать, из какой она семьи и какому помещику принадлежит? Более ничего?

Во время сих вопросов, заданных с улыбкою, в глазах Ставраки появился такой мертвенный блеск, что Натан испугался за здоровье и жизнь искомой цыганки.

– Да-да, конечно. Только найти и узнать место зимнего обитания. Более ничего, совсем ничего!

– О, ти эпитимьес!³² – сказал в завершение Ставраки, приподняв бокал.

Натан поднял свой в ответ. И, отходя от грека, оценил двусмысленность последней застольной фразы, которую он за годы проживания в Одессе уже освоил. Будто бы всего лишь добрые пожелания, но притом, ежели дословно, то еще и констатация того, что это пожелания, чаемые собеседником. К тому ж и слово «епитимия» тут слышится. А в православной церкви – это наказание за грех.

Так Горлис до конца осознал, что шутки кончились: его просьба принята всерьез и рассматривается по-настоящему. По-видимому, кем-то из бывших соратников Спирос. Людьми по-своему симпатичными и в некоторых случаях полезными. Но во многих ситуациях – безжалостными. За это одолжение придется платить чем-то большим, чем туманные обещания или бокал вина. И плата возложена именно на Горлиса. В случае чего удастся ли переложить ее на Шардоне?..

* * *

И вот наступил радостный для Одессы день – воскресе-

³² *Ο, τι επιθυμείς!* – С наилучшими пожеланиями! Дословно: О, что ты захочешь (*греч.*). Традиционное греческое пожелание во время застолья.

ные, 22 апреля. В центре Бульвара торжественно высился невидимый пока памятник. Но уже и в таком виде он смотрелся на своем месте – восклицательным знаком на фоне непрерывного ряда домов, от Дворца вдоль Бульвара. Памятник был огражден решеткой, по углам которой на флагштоках средней вышины развевались четыре флага. Притом – не только Русланда.

Да, конечно же, российское знамя было побольше и повешено повыше. Но наряду с ним присутствовали и другие! Прежде всего союзнических Англии и Франции, вместе с которыми громили османский флот. Франция и сейчас казалась самой благожелательной к России (ежели не считать Пруссии). Но вот Англия, ревниво относящаяся ко всему, что творится на море, была к возможным решительным действиям Петербурга в споре за Босфор куда менее расположенной. И четвертое знамя – австрийское! Вена, цесарская держава, соседствующая с Россией на северных Балканах, не менее Лондона опасалась большого и одностороннего усиления Петербурга на пути к чаемому им Константинополю. Так что подобный примирительный жест казался очень показательным.

С внутренней стороны, с тыла, и в направлении Екатерининской площади, ранее захлавленной, а ныне приведенной в порядок, памятник надежно прикрывал батальон Уфимского полка. (В Одессе, важном городе, недалеко от границы, традиционно размещали не фрондирующих казаков, со-

временников Хаджибея и Аккермана, а надежные части из дальних губерний.) С остальных трех сторон памятника стояла радостно оживленная гражданская публика. Ближе к месту событий – знатная, далее – чистая и на краях Бульварной улицы – чернь, которой доставались огрызки праздника, тоже, впрочем, чаемые.

Первым выступил генерал-губернатор Воронцов. Он изложил заслуги Ришелье перед Одессой, увлекательно рассказал о своем общении с ним во Франции и сердечно поблагодарил всех, кто участвовал – деньгами, идеями и талантом, в создании сего памятника, первого в городе!

Солнце в зените, шумно трепещущие разноцветные флаги – всё это подогревало нетерпение публики. И вот наступил торжественный миг. Барабанщики-уфимцы дали барабанную дробь, оттеняющую важность момента (но на Горлиса это произвело тяжкое впечатление – сразу вспомнились рассказы Кочубея о том, что наказания шпицрутенами, в том числе до смерти, сопровождают в русской армии барабанным боем).

Генерал-губернатор подал специальный знак, после чего солдаты ловко развязали покров, облекающий статую, и он упал к постаменту. Чувствительные дамы издали ахи восхищения. Барабанный бой прекратился, зато на кораблях, стоящих в гавани началась холостая пушечная пальба. «Ура!», «Vivat!», «Salut!» – послышались крики. Все вглядывались в памятник в поисках сходства с человеком, коего многие

видели и помнили. «Не Дюк! Не тот! Не похож...» – понеслось по рядам. И тут же – встречной волной – ответные пояснения: «Римская тога», «Триумфальный венок», «Античная аллегория!» Так что все затихли. (Одесситы такие люди, что могут спорить до хрипоты, до *Faustkampf*³³, но ежели им что объяснить с ученым видом, высоким штилем и слегка непонятно, то они часто соглашаются.)

Далее слово дали одесскому коммерции советнику Шарлю Сикару. Да, дорогой читатель, это тот самый «негоциант Сикар», по книге которого *Lettres sur Odessa*³⁴, изданной в Петербурге накануне войны 1812 года, молодой Натанэле учился французскому языку, а заодно – и жизни. (Как вы, верно, помните, другой книгой, столь же сильно повлиявшей на мировосприятие юноши, стала повесть Вольтера *L'Ingénu* / «Простодушный».) В тех письмах негоциант воспел Одессу, усилиями дюка де Ришелье взраставшую на месте Хаджибея. Занятно, но сейчас Сикар в своей речи на французском говорил словами и фактами из той книжицы. Видимо, полистал ее накануне.

Забавно, но, когда объявили, что сейчас выступят преподаватели Ришельевского лицея, Горлис вдруг вообразил, что среди прочих и его позовут. Даже начал лихорадочно размышлять, на каком языке лучше говорить – на французском или же русском, как это всё чаще делалось при Воронцо-

³³ Рукопашный бой, драка (нем.).

³⁴ «Письма из Одессы» (франц.).

ве. Также припоминал свой опыт общения с Ришелье, думая, что сказать — не сотый же раз излагать, как понравилось герцогу, когда Натан употребил отцовскую фразу «Надо делать вермишель» по поводу возможностей, открывающихся в Одессе... Но все уж выступили, а Горлиса так и не позвали. И он понял, как наивны были его ожидания. Это при веселом и безалаберном Ланжероне безвестный юноша, недавно прибывший из Парижа, мог стать едва ли не главным выступающим на открытии Ришельевского лицея. А при «милорде Воронцове» всё (или почти всё) было, есть и будет продуманно, просчитано.

Если же вернуться к выступлениям лицейских преподавателей, то более всего запомнились речи не Орлая, не Брамжогло, а профессора правоведения и политической экономии Павла Архангельского. Она была образна и до конца понятна лишь при более близком ознакомлении с тремя символическими фигурами на памятнике — Правосудия, Торговли и Плодородия. Павел Васильевич сказал, что действия де Ришелье в экономике и юстиции были «зримыми и зрячими». В соответствие сим словам богиня правосудия Фемида, вопреки традициям, на памятнике была без повязки на глазах. Одесские старожилы тут же оправдали, объяснили и это художественное решение, говоря, что Ришелье был справедлив высшей христианской справедливостью и часто прощал раскаявшихся преступников.

А далее настало неожиданное продолжение церемонии.

– Господа! – воскликнул Воронцов. – Сегодня экспресс-почтой из Санкт-Петербурга прибыл Указ Его Императорского Величества Николая Первого от 14 апреля.

Все напряглись в ожидании: «Неужели?..»

– Сим Указом наш возлюбленный монарх объявляет войну Османской империи за дерзновенное нарушение ею интересов России в проливах Босфор и Дарданеллы. А также за циничное нарушение прав наших братских православных княжеств Молдовы и Валахии. Что ответят на сие победители Наполеона?

Аллегория. Вторая половина 1828-го – начало 1829 года. На заднем плане силуэт Наполеона, который предупреждает:

«Европа, будь начеку, опасайся Калмыка...»

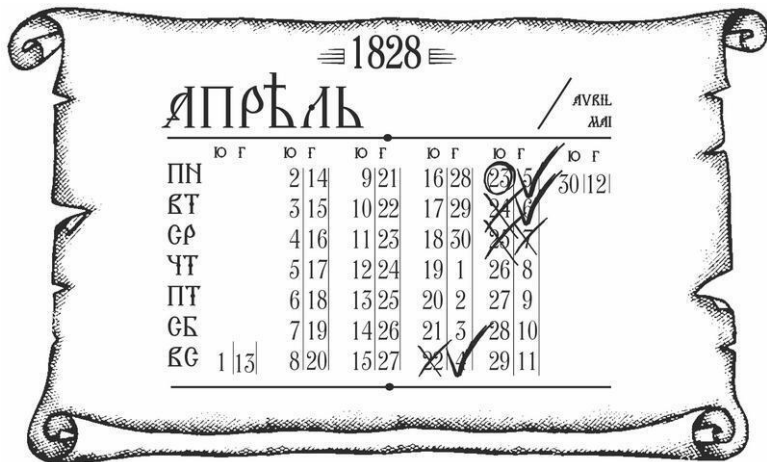
«Ура!» – пронесся вихрь восклицаний среди обывателей. Французский, английский и даже австрийский флаги тоже шумно развевались, как бы одобряя решение возлюбленного русского монарха. Солдаты же Уфимского полка обошли кругом открытый памятник с мрачной сосредоточенностью – их на Балканах вряд ли будет ждать столь же восторженный прием.

– России нужен Босфор с Дарданеллами! И свобода хождения ими! Одессе нужно порто-франко! – воскликнул Воронцов на прощанье.

Натан подумал, что, будучи сейчас на его месте, Степан крамольно пошутил бы: «*Ege ж*, свобода хождения проливами – единственная, нужная России». Если ж серьезно, жизнь и доходность одесского порто-франко с началом войны в разы уменьшатся. А жаль...

Он поспешил в Военную гавань, где ждал отправления пароход «Одесса». Тут, вопреки ожиданиям, торжественной церемонии не было. Лишь русский военный матрос из казачков посмотрел предписание, взглянул на деловую сумку с бумагами да теплыми вещами и допустил на борт.

Глава 8

Да, война! И это значит, что Горлис всё верно предвидел. Очень интересно, было бы поговорить по сему поводу с Кочубеем. Но об этом потом...

А пока что — Натана ожидает и вправду исторический рейс на первом русском пароходе, еще более важном в связи с объявленной войной. Матрос указал гостю его каюту — небольшую, но уютную, с двумя кроватями. Причем вторая была пустою. Горлис вообще так понял, что рейс решили в итоге сделать не шумным, а пробным. Он оставил в каюте все взятые с собою вещи, изъяв только кошель, и поспешил

наверх, на палубу. Судя по тому, что сходню убрали, а над трубой появился первый дым, сейчас должно состояться отплытие.

Все говорят, что после приведения в порядок фасадной к порту Бульварной улицы вид на Одессу с моря стал особенно хорош. Натану не терпелось его увидеть и запечатлеть. Для чего он приготовил грифель и бумагу. Он застыл в нетерпении, ловя первое, самое сладкое мгновение, когда корабль начинает отчаливать от пристани... Однако время шло, но сего не происходило. Он недвижимого положения да на сыром морском ветру Натан начал подмерзать. Особенно руки без перчаток, отчаянно сжимающие планшет с бумагой и грифель.

Что ж, не страшно. В ожидании отплытия Горлис надел перчатки, а также решил размять затекшие члены, пройдясь по пароходу... Тот представлял собой парусник с тремя стройными мачтами, дополненный паровой машиной, которая приводила в движение огромные лопасти с двух боков. В надводной части они были прикрыты специальным кожухом, чтобы предотвратить попадание посторонних предметов, включая птиц и людей.

Пока Натан разглядывал корабль, то дым из трубы совсем иссяк. Взамен снизу раздался металлический грохот, свидетельствующий, очевидно, о последней и самой тонкой настройке русской паровой машины. Интересно, надолго ли сие? Мимо как раз шел смуглый человек в фуражке, похо-

жей на капитанскую.

– Синьор шхипер! Синьор шхипер! – воскликнул Горлис, старательно грассируя и намекая, что, если возможно, готов общаться на французском, каковой итальянцы обычно знают.

Но встреченный человек скорым шагом прошел мимо, не обращая на Натана ровно никакого внимания. Удивительная нелюбезность! Но что поделать, шкипер на корабле – царь и бог. Предполагаемый шхипер Галюфи зашел в палубную надстройку, закрыв дверь с нервическим шумом. Грохот снизу усилился вдвое-втрое. Похоже, настройка, осуществляемая там, переставала быть тонкою. А минут через десять шум прекратился.

Видимо, Галюфи сейчас вновь появится. Но как же к нему обратиться, чтоб он отозвался? Наверное, слово «шХипер», отчетливо прозвучавшее у Воронцова, было ошибочным. И нужно говорить традиционно – «шКипер». Возможно, вместе с фамилией.

Наконец дверь отворилась. Горлис рванулся навстречу, но это был не капитан, а три матроса с мешками в руках. Громко переругиваясь по-украински, они сбросили сходню и сошли на берег. Стало ясно, что отправление затягивается. А вот на палубу выглянул и сам капитан. Натан немедленно обратился к нему, всё так же грассируя:

– Синьор шкипер! Шкипер Галюфи!

Но капитан в ответ бросил короткий взгляд, еще более

злой, чем прежде. И, издав неопределенного смысла рычание, вернулся обратно, громово хлопнув дверь. Натан понял, что выглядит с планшетом и грифелем в руках довольно глупо и пошел в каюту, чтобы оставить всё это там. Оказавшись в тепле, Горлис почувствовал, как же он замерз. Вынул взятый в дорогу теплый шарф, накрутил на шею и вернулся назад, надеясь, что порученца генерал-губернатора всё же перестанут игнорировать.

Тем временем вернулись матросы, посланные на берег. Все трое катили большого размера тележки, доверху наполненные дровами. Мешки же, укрепленные у них за спиной, издавали отчетливый металлический звон. И то и другое показалось Горлису странным. В мешках – явно некие металлические части, детали. Но зачем они нужны, ежели судно только-только построено? Ну, не может же оно УЖЕ требовать ремонта? Непонятно и с дровами (хорошо хоть не кизяк). Почему они? Как читал Горлис, паровые машины хорошо и надежно работают только на угле.

Моряки сделали еще несколько ходок, доставив побольше дров. Наблюдая за ними, Горлис, кажется, понял, что дело было не в обращении к Галюфи. Может, тот вообще не понял, что ему говорили. Да, нужно прекратить это дурацкое гравитирование. И «скипер» на итальянском, кажется, будет «скиппер». Именно так и нужно обращаться к капитану.

Так что когда Галюфи снова вышел на палубу, Натан приблизился к нему и деловым голосом, как будто бы контакт

уже был установлен какое-то время назад, поинтересовался:
– Синьор скиппер, не можете ли сказать, когда ожидается отбытие?

Галюфи ответил, посмотрев на Горлиса, как на очень глупого человека:

– Я! Не! Знаю! Совсем не знаю! – развернулся и начал уходить прочь.

Оказывается, капитан с акцентом, но всё же разборчиво говорит по-русски. Уже хорошо. К тому же, решив, что что-то не договорил, Галюфи вернулся:

– И прекратите, *merda cagata*³⁵, меня так называть! Я не «шхипер», не «шкипер», не «скиппер»! Скиппер – эта... это... – Галюфи затруднился, подбирая слова. – ...Это, *merda cagata*, морской лакей на мелком судне, лодке с парусом. А я – большой серьезный капитано! Был... Пока не зашел на эту *vergogna russa*³⁶.

– Так как вас называть?

– Не шкипер, а капитано! И не Галюфи, а Галифи! А в остальном всё правильно.

– Благодарю вас, синьор капитано!

Ну вот, хоть одно недоразумение рассеялось. Однако другое оставалось неразрешимым. Время отбытия «Одессы» та-

³⁵ Дерьмо дерьмовое (*итал.*). Грубоватое авторское ругательство капитано Галифи.

³⁶ Русский позор/стыд (*итал.*). Мягкая импровизированная брань капитано Галифи.

илось во тьме, подобной той, которая начинала сгущаться к вечеру в Одессе истинной.

Ветер же к закату стал еще более жестоким, продирающим до костей. Натан опять вернулся в каюту, поискать, нельзя ли еще чего-нибудь надеть, чтобы не так мерзнуть. Но когда он вошел в комнату, снял перчатки, плащ, сюртук, то ощутил забытое блаженство теплоты. Каковы ходовые качества русской машины, проверить пока не удастся. Но зато для нагрева, в виде «русской печи», она работает идеально. Ну... что кому больше свойственно!

В тепле и мысли подтаили, став мечтательными. Горлис подумал, что из русской машины парохода, пожалуй, можно сделать прекрасную систему парового отопления. Великолепная идея – жаль, что не новая. Австрийская пресса еще несколько лет назад писала о том, как профессор технической химии венского Императорского и Королевского политехнического института Пауль Мейснер разработал основы *Zentralheizung mit Warmluft*³⁷... В таких теплых мыслях, согретый паровой русскою печью, Натан уснул.

Но через какое-то время он проснулся от грохота машины и ощущения качающейся поверхности, какое бывает при выходе в беспокойное море. Как славно! Надо сказать, что Горлис, в отличие от многих сухопутных людей, страдавших от морской болезни, качку любил. Подобно тому, как дети любят развлекаться на качелях. Вот и сейчас в блаженном

³⁷ Центральное отопление теплым воздухом (нем.).

тепле и на качающейся вместе со всем пароходом кровати он мнил, что вернулся в детство... Меж тем и не заметил сразу, как звук работающей машины вдруг прекратился. Что странно для парохода. Впрочем, для русского парохода, как он успел заметить, естественно. Нет, всё же нужно выйти, узнать, что там происходит.

Натан натянул на себя всю одежду, какую взял с собой, и выглянул на палубу. Месяц, почти полный и только начавший стареть, влюбленно смотрел на Одессу, старательно молодящуюся, любящую, когда ее называют юною, но для людей знающих – тоже в летах изрядных.

Странно, уже темно и поздно, однако одесский пароход всё еще не хотел уходить от города, будто чувствуя некую нерасторжимо кровную связь с ним. Более того, Натан вдруг понял, что корабль миновал карантинную крепость и далее направился прямо на дачу графини Ланжерон, которая, безусловно, известна гостеприимством, но вряд ли ждет таких гостей.

Торопясь исправить ошибку, Горлис заметался в поисках Галифи. И, завидев издалека знакомую фуражку, бросился с криком:

– Синьор скиппе... Синьор капитано! Херсон в другой стороне! Он – на востоке, мы ж – идем на юг.

– Я знаю, *merda cagata*, – сказал капитано Галифи, хоть и грубо, но мирно. – И мы не идем. Нас несет. – Похоже, шкипер истратил всю запасы крепких эмоций и был изумитель-

но спокоен.

Это спокойствие волшебным образом передалось Натану. К тому ж он увидел, что и все окружающие хладнокровны. Матросы, деловито перекликаясь по-малороссийски, быстро и ловко ставили нужные паруса. Тогда всё стало ясно. Паровая машина, имеющая норовистый характер, какое-то время поработала да перестала, вследствие чего пароход с убранными парусами понесло назад к Одессе и даже за нее – в сторону Фонтанов.

Только теперь для Натана стали проясняться загадочные слова графа Воронцова про его, Натанову, смелость. Вправду, можно ли придумать что-нибудь хуже, как в неспокойную погоду отправиться в поход на судне с паровой машиной, требующей ремонта сразу же после ее постройки и установки.

Между тем паруса, установленные своевременно, перестали делать встречу с графиней де Ланжерон и ее дачей неизбежной, уводя судно в сторону моря. Да и машина, будто извиняясь за причиненные ранее неудобства, неожиданно вновь заработала, издавая ритмичные звуки. Корабль довольно живо пошел на восток.

Галифи заметно повеселел в надежде, что его славная карьера капитана на этой *vergogna russa* постепенно всё же выправляется. И отправился в рубку, вероятно, чтобы свериться с показаниями приборов и лощиями. Натан решил, что всё худшее позади. Впереди же – бодрый ход судна в темно-

те, малость разбавленной звездами и месяцем. Полюбовавшись лунной дорожкой и Полярной звездой, Горлис решил, что можно идти спать, чтобы встать пораньше да насладиться восходом и морем, широко раскинувшимся во все стороны.

Но тут впервые за всё время капитано Галифи сам подошел к Натану и вежливо осведомился:

– Господин Горли?

– Да.

– Вы сейчас очень заняты?

– Нет. То есть да. Ну... Я собирался идти спать.

– Чуть позже, пожалуй. Думаю, будет лучше, если вы нам поможете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.